

НОВАЯ ПОЛЬША 10/2007

Содержание

1. ПОЛЯК В НОВЫЕ ВРЕМЕНА
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ПОЛЯКИ, РУССКИЕ — СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ
4. ПРЕЗИДЕНТЫ ИДУТ НА ВОСТОК
5. СТИХОТВОРЕНИЯ
6. КОНСТАНТЫ ПУЗЫНА ПИШЕТ СТИХИ В ДОКТОРАНТУРЕ В США
7. АССИСТЕНТ СМЕРТИ
8. ИНОЙ. МЕЖДУ
9. PRAWDA OCZY KOLE*
10. ПУГОВИЦЫ
11. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
12. ВСЕ-ТАКИ ЗДЕСЬ УДАЕТСЯ СДЕЛАТЬ МНОГОЕ

ПОЛЯК В НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Так хорошо еще не было? Бросим взгляд на результаты большого опроса “Общественный диагноз-2007”; перед нами возникает парадоксальная картина польского общества. Поляки довольны жизнью, они уже лишь немного уступают в этом традиционно оптимистичным американцам. Но вместе с тем это самые недоверчивые люди в Европе.

– Впервые с 1997 г. выросла степень удовлетворенности существующим положением в стране, – таков комментарий профессора-психолога Януша Чапинского, который руководит исследовательским проектом “Общественный диагноз”.

Но политическому руководству страны не стоит слишком обольщаться насчет такого радикального улучшения настроений. Только 5% опрошенных считают, что власть хоть каким-то образом может повлиять на личные достижения граждан. Это даже не столько неблагодарность, сколько нарастающее с годами убеждение, что уровень жизни (как и рост ВВП) не зависит от деятельности политиков. И, вероятно, по той же причине поляков не слишком интересует уровень демократии: у 40% опрошенных нет мнения о том, какая форма правления лучше, демократическая или недемократическая (как и в 2005 г.). Только 23% считают, что у демократии есть преимущества перед любыми иными формами правления, а 14,9% – что иногда недемократическое правление может оказаться лучше.

Однако общая статистика всё же вводит в заблуждение. Совершенно очевидно, что польское общество вовсе не едино во мнениях, что разброс позиций и провозглашаемых ценностей зависит от возраста, образования, места жительства, а также всё больше связан с отношением к новейшим технологиям: Интернету и сотовым телефонам. Так каков же портрет поляка в новые времена?

Поляк в Сети

Мы быстро модернизируемся с технической точки зрения. Уже больше половины домашних хозяйств оснащены компьютерами, из которых 39,2% подключены к Интернету. Но важнее всего то, что в подавляющем большинстве случаев это подключение обеспечивается стационарной

быстродействующей системой связи. К сожалению, географическое использование новейших технологий имеет такую структуру, которая соответствует развивающимся странам. Охотнее всего Интернетом пользуются жители больших городов, а чем от них дальше – тем хуже. Если в городах с населением свыше 500 тыс. жителей доступ в Сеть имеют 57,6% домашних хозяйств, то на селе – лишь 22,4%.

Технологическое отставание села – результат как недостаточного развития инфраструктуры, так и барьеров, возникающих от отсутствия навыков. Доступ в Интернет есть лишь у 16,2% сельских жителей (для сравнения: Сетью пользуются 17,4% пенсионеров), в то время как среди тех, кто работает сам на себя, – у 73,8%.

– Однако самое поразительное то, что, несмотря на такое слабое использование информационных технологий на селе, там всё популярнее становится применение компьютеров для развлечения, – таков комментарий Доминика Баторского, социолога из Варшавского университета, автора технологического раздела “Общественного диагноза-2007”. – Сотрудники офисов и индивидуальные предприниматели используют компьютеры и Интернет главным образом для работы, кибер-развлечения у них на втором или даже третьем месте. Но зато его значение возрастает не только у сельских жителей, но также у безработных и находящихся в профессиональном простое людей, имеющих доступ в Сеть.

Совершенно не удивляет разница по возрастным категориям в сфере использования новых технологий. Среди молодежи в возрасте 16–24 лет целых 73% имеют как доступ в Интернет, так и сотовые телефоны. С возрастом этот интерес к технике падает. Среди тех, кому за 65, лишь 3% пользуются Сетью и сотовыми телефонами. И вовсе не стоит удивляться, что 26,2% поляков не пользуются никакими новыми технологиями в области связи.

Компьютер и Интернет воспринимаются как оборудование, необходимое молодым людям, способствующее их образованию. По этой же причине держат дома компьютер целых 80% супружеских пар с двумя детьми, а 61,5% из них подключены к Интернету. Среди бездетных супружеских пар эти цифры составляют соответственно 28,1 и 22,4%. Связь Интернета с образованием и молодым возрастом подтверждается и другими наблюдениями. В исследовании “Общественный диагноз” отмечается, что 13% тех, кто пользовался Интернетом в 2005 г., в 2007 г. уже им не пользовались. Главная причина заключается в том, что учеба

завершилась и – что совершенно очевидно – не вызвала потребности по-прежнему иметь доступ к Сети.

Действительно, если спросить поляков о возможностях решать через Интернет вопросы, требующие контакта с административными органами, то у подавляющего большинства такой потребности нет. Лишь 22,5% хотели бы пользоваться Интернетом для расчетов по налогам, такая же доля поляков заинтересована в том, чтобы через Интернет регистрировать автомашины или обменивать документы. Совершенно очевидно, что тема электронной администрации в Польше – мертвая тема. Даже среди нынешних пользователей заинтересованность услугами электронной администрации относительно невелика и, в зависимости от каждого конкретного случая, колеблется от 22,1% (оформление разрешений на строительство) до 48,8% (запись по Интернету к врачу). Поэтому неудивительно, что эта сфера не вызывает активного интереса у политиков, которым модернизация административного аппарата не дает никаких шансов сколотить политический капитал.

И неслучайно по оценке Всемирного экономического форума Польша заняла одно из последних мест в мире по уровню значения, которое политики (государственные власти) придают использованию новых технологий (в 2007 г. – 115-е место среди 122 обследованных стран).

Однако политики, возможно, ведут себя рационально, ибо, как показывает “Диагноз”, пользователи Интернета – это более активные (т.е. беспокойные) граждане. Они чаще участвуют в публичных собраниях и выступают там (почти в два раза чаще состоят в разных организациях и чаще занимают в них какие-то посты). Они больше поддерживают демократию (34,3%, по сравнению с 16,8% среди не пользующихся Интернетом) и больше доверяют другим. Вероятнее всего, и начинают пользоваться Интернетом люди современные и открытые. Навигация в Сети – это просто хороший обобщающий показатель, с помощью которого можно проверить, насколько общество готово поддержать модернизацию.

Поляк – мечтатель

Все мы мечтаем о повышении заработков, неизменно проявляя полное отсутствие реализма в оценке роста наших доходов в ближайшем будущем. В проводимых каждые два года исследованиях это выглядело следующим образом: в 2003 г. средний доход нетто, то есть сумма, получение которой на руки гражданин Польши декларировал, составляла 858 злотых;

однако он ожидал, что в ближайшие два года она возрастет до 1385 зл., то есть на целых 61% (на самом деле она возросла до 952 зл., то есть всего на 11%). Столкновение с реальностью не остудило мечтаний: в 2005 г. мы ожидали роста личных доходов на 50%, а реально они возросли на 19,1%. В 2007 г. мы по-прежнему ожидаем, что в следующие два года положение улучшится опять-таки на 50%.

Самые большие ожидания в отношении будущего у тех, кому и сейчас довольно хорошо. Юристы, одна из самых обеспеченных профессиональных групп, могут похвастаться средним уровнем личных доходов нетто в размере 3500 зл., но при этом они ожидают, что через два года их заработки превысят 5500 злотых. Врачи сегодня декларируют в среднем свои доходы в размере 3559 зл., но ожидают 4600 зл. через два года. Госслужащие живут неплохо: они получают на руки в среднем 3000 зл., при этом реально смотрят на вещи и понимают, что через два года не стоит ожидать больше 300 злотых прибавки к зарплате.

Хотя доходы поляков растут медленнее, чем в мечтах, однако на рынок поступает всё больше денег, которые повышают уровень имущественного благосостояния семьи: систематически растет количество автоматических стиральных машин (уже в 85% семей), посудомоек, микроволновых печей, проигрывателей DVD (они есть уже в половине семей). Несмотря на такой потребительский энтузиазм, только 12% опрошенных признают, что «наша семья любит тратить много денег на бытовую технику», а 27,5% утверждают, что следят за новинками в современной бытовой технике.

От одной вещи поляки отказываются без сожаления: это стационарная телефонная линия. За последние четыре года насыщение стационарными телефонами снизилось в Польше более чем на 10%, с 82,4% хозяйств в 2003 г. до 71,4% в 2007-м. В массовом порядке мы переходим на мобильную связь.

– Однако несмотря на рост потребления мало заметен рост уровня задолженности поляков, – комментирует проф. Чапинский. – Вопреки всевозможным предостережениям, мы вовсе не мчимся сразу в банк за деньгами, уровень накоплений по сравнению с 2005 г. тоже остается без изменений. Зато, поскольку вырос общий уровень благосостояния, мы всё меньше берем кредитов на финансирование самых срочных потребительских нужд.

Экологический поляк

В исследовании “Общественный диагноз-2007” отмечается, что, вопреки расхожим мнениям, поляков вовсе не обуял культ мамоны. Отвечая на вопрос об условиях жизненного успеха, поляки на первое место ставят здоровье, потом удачный брак, детей, и лишь затем – работу и деньги. Но мало кто считает условиями жизненного успеха честность и свободу.

Стабильным продолжает оставаться отношение поляков к культуре. По сравнению с 2005 г. несколько сократилось число домашних хозяйств, где вообще отсутствуют книги. Не стала меньше тяга к телевидению; единственное, что отвлекает наших соотечественников от телевизора, – это Интернет. Не снижается и уровень чтения прессы. Чуждым 33% поляков остается кино; а почти сорока процентам – театр, выставки и музеи.

Зато у поляков растет экологическое сознание. Уже свыше 30% покупателей обращают внимание на то, чтобы приобретаемый продукт наносил меньше вреда окружающей среде по сравнению с тем, что они покупали прежде. Половина поляков выбрасывает отработанные батарейки в соответствующие контейнеры и более 60% заявляют, что сортируют отходы. Неудивительно, что экологическое сознание растет вместе с ростом уровня образования. Но любопытно, что с сортировкой отходов лучше всех справляются в населенных пунктах с числом жителей менее 20 тысяч.

Поляк на диване и у врача

Полякам живется всё лучше, а вдобавок на их хорошее самочувствие влияет тот факт, что с 2003 г. не обостряется расслоение общества по благосостоянию. Волна экономического роста вынесла все лодки наверх, и это действует чрезвычайно тонизирующе на общество, приверженное эгалитарным ценностям. Несмотря ни на что жизнь продолжает подбрасывать стрессы и психологические нагрузки, что приводит к депрессии, алкоголизму и наркомании, к мыслям о самоубийстве. Оказывается, что, вопреки несправедливым расхожим мнениям, лучше всех в Польше душевно ощущают себя представители власти: они меньше всех подвержены депрессии, их вообще не мучат мысли о самоубийстве, их ощущение счастья уступает разве что самочувствию информатиков, юристов и вузовских преподавателей. Некоторые профессии отличает повышенный риск злоупотребления алкоголем (врачи) или табаком (шахтеры), представители других профессий чаще склонны к депрессиям и мыслям о самоубийстве.

Хотя удовлетворенность поляков состоянием здоровья, то есть наивысшей для них ценностью, возросла, им приходится пользоваться услугами органов здравоохранения. И работу их они оценивают неплохо.

- В исследовании “Диагноз” отмечается некий парадокс, - объясняет проф. Чапинский. - Оказалось, что больше всех на здоровье жалуются сорокалетние. Как раз в таком возрасте быстро растет количество недомоганий и учащаются контакты с медициной. И вот что удивительно: с возрастом, а значит и более частыми обращениями за медицинской помощью, удовлетворенность ею возрастает.

К сожалению, растут и расходы поляков на охрану своего здоровья. За два года сумма, которую польская семья тратит на лекарства, выросла с 308 до 354 зл., а расходы на амбулаторные услуги - с 302-х до 387-ми. Выросла и цена “неформальных проявлений благодарности” - средний уровень расходов на “благодарность” взлетел со 169 зл. в 2005 г. до 314-ти, зато заявляемая в анкетах частота встречающихся в службе здравоохранения случаев коррупции снизилась - с 6 до 4%.

- Так или иначе, масштаб коррупции в органах здравоохранения гораздо меньше, чем вытекало бы из атмосферы, которую создают вокруг этого власти, - комментирует проф. Чапинский.

В отношении к здравоохранению проявился парадокс в характере поляков. С одной стороны, мы готовы тратить немалые средства на оплату частных медицинских услуг. Но при этом менее 20% опрошенных заявили, что готовы выплачивать дополнительные страховые взносы, чтобы покрывать стоимость лечения у частных. Такой малый интерес к дополнительному страхованию объясняется, по всей вероятности, выявившимся в ходе исследований убеждением, что риск не иметь доступа к медицинским услугам систематически снижается и систематически снижается число тех, кто вынужден отказываться от лечения (например, в 2000 г. от лечения зубов отказались 38% поляков, а от визита к врачу - 25%, в 2007 г. не лечит зубов четвертая часть поляков, от услуг врачей отказываются 14%). Улучшение доступа к медицинским услугам - это главным образом результат роста благосостояния и возможности платить за лечение.

Поляк в эмиграции и на работе

Тема эмиграции стала одной из самых обсуждаемых в обществе после вступления Польши в Евросоюз. За три года этот вопрос

достиг мифических размеров, хотя реальный масштаб эмиграции куда меньше. Из данных “Диагноза” следует, что за границами страны находится 836 тыс. польских граждан, а в 2005–2007 гг. на работу или учебу из страны выехали 1,336 млн. человек.

Чаще всего выезжали или по-прежнему находятся за границей водители, строители, люди, занятые в фирмах по переработке пищевых продуктов, а также в торговле и бытовых услугах.

В свою очередь готовность выехать чаще всего выражают строители (почти 15%), водители (11%), работники общепита и гостиничной сферы (10,1%), информатики (9,2%), а также – и в этом нет ничего удивительного – 6% врачей. Если говорить о географическом направлении эмиграции, то здесь, как правило, называются исключительно страны Евросоюза. Мифическая Америка утратила свое очарование и объектом мечтаний поляков быть перестала.

Когда поляка спрашивают, в какую страну он хотел бы уехать на заработки, сначала он называет Великобританию, затем Германию и Ирландию. Однако практика показывает, что самой притягательной пристанью для поляков, выезжающих в поисках работы за границу, оказывается Германия, затем идут Великобритания, Италия, Голландия, Ирландия. Зато Испания пользуется невероятной популярностью у студентов, которые назвали эту страну третьей по привлекательности после Великобритании и Германии. У нас вовсю изучают западные языки. Английским свободно владеют 17,5% поляков (рост на 19% с 2005 г.); 11,7% – немецким (рост на целых 48%). Зато мы стремительно забываем русский язык, свободное владение которым снизилось наполовину.

Выезды за границу – и мы хорошо это знаем – снизили уровень безработицы в Польше. Официальный уровень безработицы в тот период, когда шел сбор данных для “Диагноза”, составлял 14%.

– Однако если бы мы рассчитывали его так же, как это делают, например, в Германии и с чем согласен “Евростат”, то есть безработными считали бы тех, кто встал на учет и при этом готов пойти работать и ищет работу, то уровень безработицы не превысил бы 9%, – объясняет проф. Чапинский. – Обследования показывают, что на постоянном уровне сохраняется число мнимо безработных.

Мнимо безработные – это люди, которые встают на учет на бирже труда, чтобы иметь гарантированное основное пособие,

но работу не ищут, ибо у них есть другие занятия. Более 60% мнимо безработных составляют женщины, занимающиеся главным образом домашним хозяйством.

Внешне современные

Поляки умеют быстро приспосабливаться к меняющейся действительности. Они справляются как с новейшими технологиями, так и с требованиями зарубежных рынков труда. Однако, хотя в течение вот уже нескольких лет в Польше не обостряется имущественное расслоение, всё больше дают о себе знать новые формы дифференциации в обществе. Дифференциация происходит главным образом по возрасту, уровню образования и месту жительства. Лучше всего быть молодым поляком, живущим в большом городе, знающим языки и новые технологии. Однако большинство граждан Польши по-прежнему всем этим критериям одновременно не удовлетворяют, а они - то как раз оказывают решающее влияние на формирование политики, которая использует их настроения недовольства модернизацией.

Что сегодня объединяет поляков? Набирающее силу убеждение, что без власти можно прожить, а обществу, то есть остальным гражданам, доверять не следует.

- Поляки доверяют только своей семье и узкому кругу самых близких друзей, - говорит д-р Баторский.

В результате мы наблюдаем в Польше парадоксальную ситуацию: систематически растет человеческий капитал, то есть повышается уровень квалификации и компетентности людей; зато на неизменно низком уровне остается общественный капитал. А без него, как свидетельствуют многочисленные исследования, трудно себе представить долгосрочное развитие. Сложностей не возникает, пока экономика в своем развитии опирается на мелкие предприятия или производство, не требующее кооперирования больших коллективов. Однако без общественного капитала нет шансов на развитие наукоёмких секторов экономики, где требуется сотрудничество многих людей, основанное на доверии.

- Сейчас мы довольны собой, довольны жизнью и положением в стране, - говорит проф. Чапинский. - Однако стоит только затормозиться росту экономики, как мы сразу поймем, что нуждаемся в несуществующих сегодня или подорванных общественных связях. Внешне мы современны, но глубинные слои нашей психологии и наше мировосприятие, основанное

на том, что никому доверять нельзя и всюду заговоры, не меняются. Становящийся всё более счастливым, образованный, здоровый и богатый поляк продолжает жить в обществе, пока еще не гражданском.

“Общественный диагноз” – опрос общественного мнения, подобный панельной дискуссии (возвращающийся к одним и тем же респондентам), который проводится с 2000 года. Опрос, о котором говорится в статье, был уже четвертым. Он проводился в марте 2007 на основе репрезентативной выборки в 5560 домашних хозяйствах с 18 024 членами семьи и на основе выборки с 12 624 индивидуальными респондентами в возрасте от 16 лет и старше из этих домашних хозяйств. Исследовательский проект “Диагноз” осуществляет Совет социального мониторинга при Варшавском высшем училище финансов и управления под руководством проф. Януша Чапинского. Проведение опроса в нынешнем году финансировали Европейский общественный фонд, крупнейшая польская страховая компания “Коммершэл юнион Польша”, “Польская телекоммуникация” и фирма “Проком”. “Диагноз” – проект открытый, все его результаты доступны на сайте www.diagnoza.com. Следующий доклад вместе с базой данных публикуется там же в октябре 2007.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- “Новая Европа. Отчет о преобразованиях” под редакцией Дариуша Росати: “Польша – лидер преобразований. Сейчас ВВП нашей страны на целых 60% больше, чем в начале системных изменений (...) Центральная и Южная Европа пользуется благами интеграции с ЕС. [Однако] государства, вставшие на путь реформ, нуждаются в переменах, особенно в таких областях как государственные финансы, свобода хозяйственной деятельности и приватизация”. (“Жечпосполита”, 3 сент.)
- “В 11-м „Отчете об экономической свободе”, подготовленном канадским Институтом Фрейзера, Польша занимает лишь 56-е место среди 141 государства [в прошлом году она была на 53-м месте – Ред.]. Главная проблема Польши заключается в чрезмерном вмешательстве государства в экономику. По этому показателю мы занимаем 71-е место. Особенно мешают предпринимателям высокие налоги (...) Другое препятствие на их пути (...) слабость судов”. (“Жечпосполита”, 6 сент.)
- “Самый простой и точный показатель значения страны в мире – общая стоимость произведенной продукции (ВВП). По данным опубликованного ЦРУ статистического ежегодника (The World Factbook 2007), по ВВП мы занимаем 23-е место среди 229 рассмотренных стран (...), по человеческому потенциалу – 38-е, а по площади – 77-е (...) Наш ВВП составляет (...) 20% от немецкого (...) За последние десять лет (...) польский ВВП (в текущих ценах, но по паритету покупательной способности) вырос в три раза (...) Богатство жителей страны лучше всего измеряется в ВВП на душу населения. По этому показателю Польша занимает 72-е место в мире (...) Начиная с 1995 г. наш ВВП на душу населения вырос в три раза. В 2006 г. в рейтинге, составленном на основе индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), рассчитанного Программой развития ООН, мы занимали 37-е место среди 177 государств (...) В рейтинге, базирующемся на индексе качества жизни, который рассчитала исследовательская организация The Economist Intelligence Unit, мы занимаем 48-е место (...) По уровню использования сотовых телефонов (которых в Польше, по данным ЦРУ, 30 млн.) мы занимаем 20-е место в мире, а по

доступу в Интернет (10 млн. пользователей) – 23-е”. (“Впрост”, 9 сент.)

- “На протяжении уже по меньшей мере года данные по ВВП за каждый квартал оказываются выше прогнозированных (...) По сравнению с прошлым годом в период с апреля по июнь ВВП вырос на 6,7%, т.е. на 0,7% больше, чем прогнозировалось (...) Экономике двигают инвестиции, потребление и экспорт”. (“Жечпосполита”, 31 авг.)

- XVII Экономический форум в Кринице. “Из 500 крупнейших фирм Центральной и Восточной Европы целых 176 расположены на берегах Вислы. Одновременно это крупнейшие польские налогоплательщики (...) Самой крупной фирмой региона оказался Польский нефтеперерабатывающий комбинат „Орлен” (...) Однако Центральная Европа остается в тени российских гигантов. Если бы они были включены в список „Европа-500”, то из 20 крупнейших фирм 13 оказались бы на территории России. В 2006 г. прибыль „Газпрома” и „Лукойла” была в пять раз выше, чем у „Орлена” (...) Список „Европа-500” был оглашен вчера на торжественном банкете XVII Экономического форума в Кринице (...) Вчера вице-премьер Зита Гилёвская сообщила, что правительство намерено снизить прогноз роста ВВП в 2008 г. с 5,7 до 5,5%. „Если посмотреть, что происходит вокруг, можно предположить, что правительство повысит экономические прогнозы на будущий год, но этого не случится ввиду низкой политической стабильности нашей страны”, – заявила вице-премьер (...) Премию „Фирма года – 2007” получил Внешторгбанк, второй по величине банк России (...) „Этот банк прошел долгий путь реструктуризации, превратившись из неэффективного государственного учреждения в современный, оперативно работающий коммерческий банк, который может позволить себе экспансию на зарубежные рынки”, – сказал директор форума Зигмунт Бердыховский”. (“Жечпосполита”, 6 сент.)

- По данным Главного статистического управления (ГСУ), “за первые шесть месяцев текущего года было создано более 149 тыс. новых фирм (...) Правда, это меньше, чем в прошлом году, но, с другой стороны, меньше фирм и закрылось. В общей сложности за год число экономических субъектов увеличилось на 11 тысяч. В настоящее время в Польше существует 3,646 млн. фирм, начиная с малых, единоличных, и кончая крупными предприятиями (...) Больше всего фирм (почти 100 тысяч) работают в трех отраслях – торговле, строительстве и услугах,

связанных с хозяйственной деятельностью”. (“Жечпосполита”, 14-15 авг.)

- “Контроль над т.н. польским свободным рынком осуществляют более 40 государственных учреждений (...) Business Center Club провел опрос среди 1,2 тыс. фирм (...) В каждой из них контроль проводился в среднем четыре раза в год, в 11% фирм 6-10 раз, а в 9% – более 10 раз. Политики решили ужесточить и без того жесткие проверки. Полномочия Центрального антикоррупционного бюро (ЦАБ) определены так, что оно может контролировать любую частную фирму даже в течение десяти месяцев”. (“Впрост”, 26 авг.)

- “Вчера ГСУ сообщило, что в июле по сравнению с тем же периодом прошлого года промышленное производство выросло на 10,4%”. (“Жечпосполита”, 21 авг.)

- “В этом году в Польше будет рекордный урожай зерна. Согласно прогнозам, мы соберем его 27 млн. тонн – на 5 миллионов больше, чем в 2006 году (...) В Европе зерна будет на 10-15% меньше, чем год назад. Польша – одна из немногих стран, где будет наблюдаться его избыток (...) Вероятно, инфляция будет расти быстрее, чем мы предполагали (...) Такова будет цена нашего успеха, связанного с тем, что (...) нам удалось повысить эффективность сельского хозяйства, став последней житницей Европы, и с тем, что в результате быстрого экономического роста у нас быстрее всего в Европе растут доходы”. (Михал Зелинский, “Впрост”, 2 сент.)

- “В среду российская Федеральная служба ветеринарного и фитосанитарного надзора сообщила, что польская система контроля не обеспечивает безопасности продуктов растительного происхождения, поставляемых на российский рынок (...) В ноябре 2005 г. Россия ввела запрет на импорт польского куриного и свиного мяса под предлогом фальсификации ветеринарных и фитосанитарных сертификатов”. (“Дзенник”, 6 сент.)

- “Уже более 1200 электростанций, котельных и систем отопления во всей Польше работают на возобновляемых источниках энергии. В настоящее время строится около 40 новых малых ГЭС (...) Ветряные фермы тоже перестают быть новинкой (...) До конца этого года будет создано 11 новых ферм, а строительство еще полутора десятков начнется в ближайшие месяцы. Развиваются и существующие геотермальные электростанции (...) Это результат политики Евросоюза, который в течение ближайших 13 лет планирует увеличить

долю возобновляемых источников энергии до 20%”.
 (“Ньюсуик-Польша”, 26 авг.)

• “В начале 90-х предприниматель из Нижней Силезии Гжегож Соколовский был банкротом: его камнерезная фирма, в которой работали 50 человек, развалилась (...) Сегодня (...) он – владелец первой в Польше сети музеев (...) Его гордость – крупнейшее в стране собрание минералов, а также скелеты динозавров (...) Он признаёт, что рентабельность музеев складывается на уровне 20% (...) В 2000 г. Петр Манкевич открыл в Радзёнкове (...) музей хлеба, выставив в нем годами собиравшуюся коллекцию хлебопекарных машин и принадлежностей. Ежегодно музей посещают 45 тыс. человек, что дает обороты порядка 300 тыс. злотых. Рекорд – 8 тыс. туристов в течение одного дня (...) Станислав Габрысь, владелец музея оружия в Свиднице, (5,5 тыс. посетителей в год), зарабатывает на созданном при музее тире и на прокате экспонатов кинематографистам и организаторам праздников”.
 (Ян Кшеминский, Павел Ольверт, “Ньюсуик-Польша”, 26 авг.)

• “В 2006 г. каждый из 23,8 млн. человек, имевших какие-либо доходы, заплатил в среднем 1588,76 зл. подоходного налога. В общей сложности государственная казна отобрала у нас 37,1 млрд. злотых – на 7,2 млрд. больше, чем в 2005 году. В прошлом году эффективная ставка подоходного налога увеличилась на 1,2 процентных пункта – до 16,76% (...) Увеличилось и число налогоплательщиков, имевших доходы (почти на 200 тысяч), а их заработки выросли (на 1100 зл. в течение года). Число лиц, отчитывающихся по 19-процентному плоскому налогу, увеличилось на четверть (до 330 тысяч), а причитающиеся с них налоги – на треть (до 9,3 млрд. зл.). В свою очередь число лиц, платящих налог от доходов с капитала, увеличилось на 10% (до 227 тысяч), а причитающиеся с них налоги выросли на целых 122% (до 1,7 млрд. злотых)”.
 (“Впрост”, 2 сент.)

• “В первом полугодии бюджетные доходы крупнейших польских городов были почти на 700 млн. злотых больше, чем прогнозировалось в начале года. Положительное влияние на состояние городской казны оказывает прежде всего растущее благосостояние общества и эффективность предприятий. Улучшение особенно заметно на примере доходов от подоходного налога, составляющих значительную часть бюджета”. (“Жечпосполита”, 20 авг.)

• “Президент (мэр) Рыбника отказался от планов строительства дороги через Цистерцианский ландшафтный парк (...) „Лес удалось спасти, так как местная общественность была

сознательна, хорошо организована и полна решимости, – подчеркивает председатель клуба „Гайя” Яцек Божек. – Экологические организации поддержали жителей, но с инициативой выступили сами люди. Благодаря им спасены уникальные зоны отдыха, биотопы ценных видов растений и животных. Городские власти оказались сообразительными и почувствовали общественные настроения (...) Они пришли к выводу, что отстаивать проект не имеет смысла”. Магда Мосевич из партии „Зеленые-2004” комментирует это так: „(...) Не может не радовать, что органы местного самоуправления не подражают стилю большой политики и понимают, что демократическая власть представляет граждан, а во главе угла должна стоять не сила, но право””. (Изабела Марчак, “Дзенник”, 16 авг.)

- “В течение месяца после частичного открытия польского рынка труда наши предприниматели приняли на работу от 7 до 9 тыс. граждан Украины, России и Белоруссии. Для сравнения: за все первое полугодие в Польше легально устроились на работу 2340 граждан этих государств (...) С 20 июля введены правила, значительно облегчающие прием на работу иностранцев из-за восточной границы. Им не нужно получать разрешение на работу (...) Достаточно заявить о намерении принять работника в поветовом центре занятости. Однако он может работать только в течение трех месяцев два раза в год”. (“Жечпосполита”, 3 сент.)

- “Рабочая неделя поляков удлиняется. Теперь она составляет в среднем 42,9 часа. Это дает нам 5-е место в ЕС. К сожалению, лишь 30% людей в возрасте от 55 до 64 лет остаются занятыми в трудовом процессе. В Германии работает половина людей в этом возрасте, в Великобритании – 60%, а в Швеции (...) – более 70%”. (“Политика”, 25 сент.)

- “По данным изучения экономической активности населения (ИЭАН), проводимого ГСУ, во втором квартале уровень безработицы составил 9,8% и впервые с 1999 г. достиг однозначной цифры (...) По сведениям центров занятости, в июле он составлял 12,2%, однако ИЭАН – гораздо более надежный показатель, так как он с большей точностью указывает людей, которые регистрируются в центрах занятости ради получения пособия, а в действительности нелегально работают”. (“Жечпосполита”, 25-26 авг.)

- “На 1000 работающих поляков приходится 1120 неработающих (...) Сравнивая данные полугодичной давности, можно убедиться, что перестало работать больше людей, чем начало (...) В течение полутора лет группа лиц, не занятых в трудовом

процессе, увеличилась почти на 400 тыс. человек (...) Так происходит потому, что люди, родившиеся в годы послевоенного демографического пика, начинают достигать пенсионного возраста и заканчивают профессиональную карьеру. Вдобавок, уходя с работы, они все еще с легкостью получают различные виды социального обеспечения”. (“Жечпосполита”, 20 авг.)

- “В 2006 г. в Польше родилось 374,2 тыс. детей (...) После 2014 г. профессиональную карьеру будут ежегодно заканчивать более 700 тыс. человек (...) Только каждого второго пенсионера заменит на рынке труда внук, ибо дети представителей [демографического] пика уже не рожали настолько охотно. С некоторого времени ежегодно рождается только 360 тыс. детей. Не может быть и речи о том, чтобы, став взрослыми, они содержали все более многочисленную армию по-прежнему весьма бодрых пенсионеров”. (Иоанна Сольская, “Политика”, 8 сент.)

- “В результате соглашения правительства с „Солидарностью” пенсионная реформа приостановлена на год (иными словами, можно будет и дальше выходить на досрочную пенсию), а минимальная зарплата повысилась до 1126 зл. без вычета налогов. По мнению предпринимателей, эти решения были приняты без чувства ответственности за государство, в духе предвыборной кампании”. (“Тыгодник повшехный”, 9 сент.)

- “На этой неделе депутаты Сейма приняли решения, чреватые приблизительно 25-миллиардными расходами (...) Больше всего денег в будущем году понадобится на повышение налоговой льготы на воспитание детей со 120 до 1145,08 злотых – это обойдется госбюджету и органам местного самоуправления приблизительно в 6,5 миллиарда. Немногом меньше (5,7 млрд.) мы потратим на валоризацию пенсий и продление на год права на досрочную пенсию (900 млн.) (...) В пятницу Сейм возродил также алиментный фонд (...) Помощью фонда смогут воспользоваться лица, которые не могут взыскать полагающихся им алиментов и у которых доход на человека в семье не превышает 725 злотых (...) В будущем году на выплаты из фонда понадобится около 500 млн. злотых. Кроме того, депутаты проголосовали за „шахтерский закон” о дополнительном финансировании отрасли из госбюджета, а также о праве шахтеров и их наследников на бесплатные акции предприятий энергетического сектора”. (“Жечпосполита”, 8-9 сент.)

- Роберт Гвяздовский, эксперт Центра им. Адама Смита: “По идее [налоговая] льгота [на воспитание детей] должна была

помочь самым бедным семьям. Однако большинство бедных многодетных семей живет в деревне, а крестьяне не платят подоходного налога. В связи с этим помощь пройдет мимо них”. (“Дзенник”, 6 сент.)

- По данным ГСУ, “средняя зарплата составляет уже 2644,30 злотых в месяц. Это на 8,9% больше, чем год назад (...) Рост зарплат наблюдается во всей экономике и начинает опережать рост производительности труда, что грозит более высокой инфляцией”. (“Политика”, 25 авг.)

- “Совет монетарной политики (СМП) повысил процентные ставки. Уже в третий раз в этом году основная ставка выросла на 25 базовых пунктов и в настоящее время составляет 4,75% (...) О возможности нового повышения совет написал даже в обосновании своего вчерашнего решения. СМП обратил внимание на более резкое, чем прогнозировалось, ухудшение пропорций между ростом зарплат и производительностью труда”. (“Дзенник”, 30 авг.)

- “Ухудшаются настроения потребителей – главным образом оценка возможности делать крупные покупки и накапливать сбережения. По данным ГСУ, индекс потребительского доверия снизился с 7,3 в июне до 7,2 в июле (...) В июле инфляция составила 2,4%”. (“Политика”, 11-18 авг.)

- “Польшей правит кабинет меньшинства. „Право и справедливость” (ПиС) окончательно отказалось от коалиции с „Лигой польских семей” (ЛПС) и „Самообороной””. (“Тыгодник повсехный”, 26 авг.)

- “„Сегодня Польша очень нуждается в молитве, ибо дела в ней плохи”, – сказал архиепископ Казимеж Ныч 14 августа во время вечерней мессы на Ясной Горе [в Ченстохове]. Митрополит Варшавский сравнил положение в стране с семьей, члены которой не умеют решать свои проблемы путем обсуждения, а родители ругаются на глазах у детей и соседей”. (“Тыгодник повсехный”, 26 авг.)

- “Недавний министр внутренних дел и администрации Януш Качмарек дал показания комиссии Сейма по делам спецслужб. Качмарек сообщил, что прокуратура и спецслужбы стали орудием в руках власти и что он сам пал жертвой незаконных действий (...) На тайном ночном заседании парламента маршал [Сейма] Людвик Дорн начал зачитывать депутатам несколько сот страниц стенограммы показаний Януша Качмарека (чтение будет закончено на следующей сессии)”. (“Тыгодник повсехный”, 2 сент.)

- “Официальное заявление Комиссии по делам специальных служб. 22 и 24 августа 2007 года комиссия по делам специальных служб как орган Сейма, выполняющий конституционную обязанность контроля исполнительной власти, получила от бывшего министра внутренних дел и администрации, бывшего национального прокурора господина Януша Качмарека ряд сведений, которые могут указывать на то, что министерство юстиции, Центральное антикоррупционное бюро и Агентство внутренней безопасности нарушали свои конституционные и установленные законом обязанности (...) В свете собранной информации Комиссия по делам специальных служб подает ходатайство о создании следственной комиссии Сейма с целью проверки (...) обвинений, особенно тех, которые касаются обстоятельств, приведших к смерти [бывшего депутата от „Союза демократических левых сил” (СДЛС) и бывшего министра строительства] Барбары Блиды”. (“Газета wyborcza”, 25-26 авг.)

- “АВБ задержало бывшего министра внутренних дел и администрации Януша Качмарека, бывшего главного комиссара полиции Конрада Корнатовского и президента Государственного страхового предприятия Яромира Нецеля; в розыске находится один из самых богатых поляков Рышард Краузе. Прокуратура обвиняет их в даче ложных показаний и в препятствовании следствию по делу об утечке информации перед операцией ЦАБ в министерстве сельского хозяйства [которая должна была уличить в коррупции министра Анджея Леппера] (...) Через полтора десятка часов прокуратура организовала пресс-конференцию (...) Вскоре после этого задержанные были освобождены”. (“Тыгодник повсехный”, 9 сент.)

- Павел Спевак, социолог, депутат от “Гражданской платформы” (ГП): “Начиная с 1956 года в Польше еще не случилось, чтобы премьер (или ранее первый секретарь) сажал своего министра внутренних дел или начальника полиции”. (“Дзенник”, 31 авг.)

- “Несмотря на то что за последние два дня акции компании „Петролинвест” упали, она остается самой ценной в империи Рышарда Краузе. Ее биржевая стоимость достигает 2,1 млрд. злотых. Фирма получила несколько лицензий на разработку месторождений в Казахстане и Республике Коми”. (“Жечпосполита”, 1-2 сент.)

- “Президент Лех Качинский принял участие в мероприятиях, посвященных 25-й годовщине трагических событий 1982 г.,

когда в Любине [Нижняя Силезия] милиция застрелила троих рабочих (...) Лех Качинский представил свою оценку положения в Польше, призвав поляков „выступить против искусно осуществляемого плана строительства Речи Посполитой для богачей””. („Газета wyborcza”, 1-2 сент.)

- “Следствие по делу Януша Качмарека, а также задержанных одновременно с ним Конрада Корнатовского и Яромира Нецеля впервые оценил суд, который пришел к выводу, что прокуратура нарушила закон. „Задержание преследовало иные цели, нежели интересы следствия”, – написал в обосновании судья. Суд сообщил варшавскому апелляционному прокурору о факте нарушения закона сотрудниками следственной прокуратуры”. („Газета wyborcza”, 7 сент.)

- “Президент отказался подписать приказы о назначении девяти судей. В общей сложности назначения ждут уже 95 человек, некоторые больше полугода. Несколько месяцев назад президент Лех Качинский начал обходить молчанием часть ходатайств Всепольского совета правосудия о назначении новых судей (...) По мнению юристов, конституция не дает президенту права на отказ (...) С другой стороны, в законе не указан срок, ограничивающий президента. Несколько недель назад президент пошел еще дальше: прислал в совет правосудия письмо, в котором сообщил, что девять человек вообще не будут назначены судьями. Это первая такая ситуация за 17 лет. Судейская среда протестует”. („Жечпосполита”, 1-2 сент.)

- Проф. Анджей Цолль, бывший председатель Конституционного суда: “В последнее время в юридическом сленге появилось понятие „добывающее заключение”. Иными словами: „Ты будешь сидеть до тех пор, пока нам всё не расскажешь”. Например, Дохналь [известный лоббист, обвиненный в коррупции] находится в „добывающем заключении” уже три года. В одной из газет я прочитал, что Лыжвинский [депутат „Самообороны”, обвиненный в изнасиловании и сексуальных домогательствах] будет сидеть в таких условиях, т.е. среди таких заключенных, что быстро сломается и заговорит... У меня нет и тени симпатии к этой личности, но когда я слышу слова „добывающее заключение”, у меня проходит мороз по коже”. („Тыгодник повсехный”, 9 сент.)

- “За последние годы значительно увеличилось число обоснованных жалоб, направляемых поляками в Европейский суд по правам человека. В 2004 г. их было 66, в 2005-м – 183, а в 2006-м – уже 256. О том, что польские власти часто не соблюдают закон, может свидетельствовать хотя бы итог

прошлого года: 107 приговоров, в которых было обнаружено хотя бы одно нарушение конвенции [по правам человека]. Больше всего исков против Польши касалось длительных сроков предварительного заключения (108 приговоров в 1999–2006 гг.) и затянувшихся судебных процессов (210 приговоров за тот же период)”. (Агата Лукашевич, “Жечпосполита”, 18–19 авг.)

- “Министерство финансов ввело в каждой из 16 таможенных палат штатную единицу капеллана, а также одну на всех штатную единицу декана, который должен будет координировать пастырскую работу в таможенных палатах (...) Таможенники из Кракова уже опротестовали распоряжение министерства финансов”. (“Газета wyborча”, 21 авг.)

- “„Я не в восторге от идеи включить оценку по религии в среднюю [на основании которой ведется прием в вузы]”, – это высказывание нового министра образования вызвало негодование среди епископов (...) Правительство немедленно заявило, что оценка по религии будет включена в среднюю”. (“Тыгодник повшехный”, 26 авг.)

- “По данным разных исследований, аудитория радио „Мария” составляет от 1,5 до 3 млн. слушателей, а телеканала „Трвам” – около 650 тысяч зрителей (...) Это организованная публика, которую легко мобилизовать (...) „Трвам” показывает локально-католический кусочек Польши, – пишет Кристина Любельская, – который зрители коммерческих телеканалов, а также Польского телевидения видят нечасто. Умение сблизиться с частью общества, игнорируемой другими СМИ, следует признать главным достоинством ТВ „Трвам””. (“Политика”, 11–18 авг.)

- “Главный публицист радио „Мария” Ежи Роберт Новак был секретным сотрудником госбезопасности под псевдонимом Тадеуш (...) Сохранились записи переданных им устных сведений (...) СБ поручала ему также задания”. (“Жечпосполита”, 10 сент.)

- “Сенатор Ярослав Говин считает, что в среде торунской радиостанции слишком много людей, испытывающих проблемы с люстрацией (...) Ему кажется, что среда радио „Мария” выражает пророссийскую точку зрения. По его мнению, это связано с прошлым части людей этого круга”. (“Дзенник”, 11 сент.)

- Проф. Анджей Фришке: “Коллегия Института национальной памяти (ИНП) полностью подчинена одной политической

партии. Десять из одиннадцати членов избраны по рекомендации Пис. [Коллегия] будет выбирать директора института. Кроме того, она постоянно контролирует работу ИНП (...) определяет приоритеты (...) осуществляет контроль за деятельностью Бюро национального образования. С недавних пор она контролирует также отдел люстрации". ("Газета wyborcza", 6 сент.)

• Проф. Михал Кулеша, один из отцов реформы местного самоуправления: "Происходит новая централизация, сопровождающаяся далеко идущим вмешательством государственного надзора в работу органов местного самоуправления. Причем иногда этот надзор, к сожалению, используется для достижения политических целей. Это попытка подчинить местные элиты центральным властям (...) Людей оставляет мужество, ибо законодательство становится все более туманным и, стало быть, его можно толковать как угодно. Все чаще это – прокурорское толкование. В таких условиях, возможно, лучше вообще ничего не делать (...) Антикоррупционные законы лишили значительную часть граждан политических прав (...) Польские органы местного самоуправления все чаще возвращаются к пассивности национальных советов". ("Жечпосполита", 20 авг.)

• Проф. Петр Штомпка, социолог, член ПАН, президент Международного социологического общества: "Семь лет назад у нас была конституция, было видно, что действуют государственные органы, стоящие на страже закона. Конституционный суд пользовался высоким авторитетом, уполномоченный по правам человека тоже (...) Ценны были даже некоторые инициативы на парламентском уровне. Мало-помалу мы начинали жить в стране, где действуют четкие правила. Постепенно создавалось правовое государство. Мы вступили в НАТО, у нас было ощущение мощной мировой поддержки. Расцветало малое предпринимательство (...) Стихийно создавались различные общества и фонды. Начало зарождаться гражданское общество (...) Власть смотрела на этот расцвет гражданского общества с одобрением (...) Похоже, что действия, предпринимаемые сегодня (...) вытекают из ложного понимания того, что происходило после 1989 г., – понимания одностороннего и перекошенного, истолкованного в категориях заговора (...) Другое объяснение (...) это (...) целенаправленные действия, ведущие к разделению общества (...) и тем самым к укреплению власти (...) Думаю, что первое объяснение более вероятно (...) что эти действия, быть может, продиктованы достойными намерениями, но основаны на (...) ошибочном понимании. Однако теперь из-за последствий этих

действий (...) власть утверждается в своей теории заговора до такой степени, что начинает смещаться в сторону недемократической системы”. (“Политика”, 11-18 авг.)

- “Дом, построенный крышей вниз, появился три месяца назад в Кошубах, прямо возле лесопилки Даниэля Чаплевского. Ежедневно сюда съезжаются толпы народу. Туристы платят по 5 зл., чтобы пройти по потолку и полюбоваться полностью обставленным интерьером”. (“Газета wyborcza”, 21 авг.)

- Из проповеди кардинала Юзефа Глемпа на Ясной Горе в Ченстохове: “Мы с прискорбием наблюдаем за расколом на вершинах власти, где тратятся огромные силы, чтобы найти „чужие грехи – сучок в глазу ближнего”, и никто не замечает бревна в собственном”. (“Тыгодник повшехный”, 9 сент.)

- Из Гданьской декларации - 2007: “Мы празднуем очередную годовщину августовских соглашений в тот момент, когда кажется, что дух „Солидарности” слабеет. К государству, которое мы считали общим благом, относятся как к добыче, которую присваивает тот, кто правит (...) Институты, которые должны стоять на страже правового государства, становятся орудием в руках правящей верхушки (...) Надо быстро раскрыть правду о событиях последних месяцев. Необходимы новые выборы (...) Предстоящие выборы так важны, что мы обращаемся к вам с горячим и простым призывом: пусть все придут к избирательным урнам. Проголосуем мудро. Лех Валенса, Тадеуш Мазовецкий, Бронислав Геремек. Гданьск, 31 августа 2007”. (“Газета wyborcza”, 31 авг.)

- “За предложение СДЛС сократить срок полномочий Сейма проголосовали 377 депутатов, против – 54, воздержались – 20. Самороспуска не хотели „Самооборона” и ЛПС. Президент назначил выборы на 21 октября”. (“Газета wyborcza”, 8-9 авг.)

- Согласно опросу ГфК “Полония”, в начале сентября за ГП намеревался проголосовать 31% поляков (что дало бы ей 211 мест в Сейме), за Пис – 29% (195 мест), за “Левых и демократов” – 8% (52 места), за крестьянскую партию ПСЛ – 3%, за “Самооборону” – 2%, за ЛПС – 1%. Избирательный барьер составляет 5%. (“Жечпосполита”, 13 сент.)

- “В канун праздника Войска Польского в Афганистане погиб первый польский военнослужащий. Он был убит снарядом, выпущенным из гранатомета (...) Подпоручик Лукаш Куровский погиб при нападении на польский патруль”. (“Дзенник”, 16 авг.)

- “Атакованные талибами польские солдаты застрелили пятерых мирных афганцев и ранили еще троих. Это первый подобный случай в истории миротворческих миссий с нашим участием (...) Столкновение произошло 23 августа”. (“Газета wyborcza”, 23 авг.)

- “В Польше живет почти 30 тыс. мусульман. Большинство из них – иммигранты. На востоке страны уже несколько столетий живет почти 6 тыс. татар (...) Число иммигрантов может достигать 20 тысяч. Они начали приезжать в Польшу в 50-е годы прошлого века в качестве студентов (...) После 1989 г. появились предприниматели, а затем политические беженцы – например, чеченцы и иракцы. В прошлом году ходатайства о предоставлении статуса беженцев подали 6,5 тыс. чеченцев; до июля текущего года – уже более пяти тысяч. Еще несколько тысяч могли попасть в Польшу нелегально. Польская мусульманская община разделена. Две главные организации (Мусульманский религиозный союз РП, где преобладают татары, и Мусульманская лига, большинство членов которой – иммигранты и новообращенные) не могут договориться между собой”. (“Ньюсуик-Польша”, 19 авг.)

- “В здании Европарламента должна пройти конференция, организованная ооновским Комитетом по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа с участием мусульманских стран, настроенных особенно враждебно по отношению к Израилю (...) Против этого мероприятия протестуют польские евродепутаты. Их позиция радует, хотя это отнюдь не означает, что они в состоянии заблокировать конференцию”. (Кристина Гжибовская, “Впрост”, 2 сент.)

- Шевах Вейс: “В последнее время люди гордятся своим еврейским происхождением, но не возвращаются в лоно еврейского народа. Это явление заметно во всем мире и в Польше, где после установления демократии было три министра иностранных дел еврейского происхождения. Ни один из них не пытался этого отрицать. На праздновании 25-летия „Солидарности” я встретился с недавно умершим архиепископом Парижским Жаном-Мари Люстиже. Мы говорили по-польски и... по-еврейски”. (“Жечпосполита”, 1-2 сент.)

- “Магазин в Иновлодзе, студия Польского телевидения в Ополе, библиотека в Пётркове-Трибунальском, бассейн в Познани, руины в Водзиславе. Все эти здания были синагогами. Об их судьбах рассказывает выставка, открывшаяся вчера в варшавской „Nizio Gallery” (...) В самом плохом состоянии находится водзиславская синагога XVII века в Свентокшиском

воеводстве. Двадцать лет назад ураганный ветер сорвал с нее крышу, после чего здание пришло в упадок. В этом году министерство культуры выделило 200 тыс. злотых на укрепление старых стен”. (“Газета wyborcza”, 3 сент.)

• “В Польше не бывает недели, чтобы какой-нибудь еврейский дом не возвращался его прежним хозяевам или их потомкам. Органы местного самоуправления возвращают дома охотно, прямо-таки сами об этом просят, суды тоже не чинят препон. Но пресса об этом не пишет: тема непростая, да к тому же централизованной статистики нет (...) Помимо людей, получающих обратно дома и земли в индивидуальном порядке, довоенную собственность возвращают себе еврейские религиозные общины. В т.н. комиссию урегулирования при правительстве, работающую уже десять лет, поступило 5,5 тыс. заявлений. Возвращено 1250 единиц недвижимости: 1200 из них – это кладбища, остальные 50 – молитвенные дома, старые школы, миквы и немногочисленные уцелевшие синагоги или участки, где они стояли. Есть также недвижимость, отданная евреям вместо той, вернуть которую уже невозможно”. (Петр Глуховский, Мартин Ковальский, “Газета wyborcza”, 10 сент.)

• “Белостокская полиция задержала семь человек, подозреваемых в пропаганде фашистских настроений (...) На прошлой неделе в связи с антисемитскими эксцессами полиция задержала еще пятерых”. (“Дзеньник”, 31 авг.)

• “Среди 11 стран, которые Центр им. Шимона Визенталя критикует в своем ежегодном отчете о преследовании нацистских преступников, оказалась и Польша. С апреля 2006 по март 2007 г. в нашей стране велось 333 следствия по фактам преступлений, совершенных в годы II Мировой войны, однако не был вынесен ни один приговор. Не был также подан ни один иск”. (“Дзеньник”, 5 сент.)

• “Польские исследователи нашли в Быковне под Киевом медальон польского старшего сержанта Юзефа Наглика (...) „Доказательств множество, но медальон – первое достоверное доказательство, обнаруженное на месте захоронения”, – сказал секретарь Совета охраны памяти борьбы и мученичества Анджей Пшевозник. Польские исследователи обнаружили уже 210 могил. В 40 из них покоятся поляки, вывезенные в СССР после того, как советские войска заняли восточную Польшу (...) В списке поляков, находившихся в советском плену на территории Украины (т.н. украинском катынском списке) сержант Юзеф Наглик значится под номером 2033. [Быковня –] самое большое кладбище жертв коммунизма на Украине. Там, возможно, похоронено 100–120 тысяч человек (...) В общей

сложности украинский катынский список включает 3435 фамилий – преимущественно (...) офицеров, полицейских и чиновников”. (“Жечпосполита”, 12 сент.)

- “После ареста старший сержант Юзеф Наглик (...) стал одним из 25,7 тысяч поляков, которых 5 марта 1940 года Сталин приговорил к расстрелу (...) На сегодняшний день известна судьба 15 тысяч, похороненных в Катыни, Медном и под Харьковом. Об остальных мы до сих пор знали только то, что они находились в плену и, вероятнее всего, были расстреляны под Киевом и под Минском”. (“Газета wyborча”, 12 сент.)

- “Российская неправительственная организация „Мемориал” (...) намеревается организовать в Москве показ нового фильма Анджея Вайды „Катынь”” (“Дзенник”, 14 сент.)

- “Президент Белоруссии доволен, что в его страну не пустили польских политиков (...) В среду в Белоруссию не смогли въехать вице-маршал Сената Кшиштоф Путра, а также лидер ГП Дональд Туск и депутат от той же партии Роберт Тышкевич. Белорусы задержали их на границе. „Дали им по морде и правильно сделали. Нечего им здесь делать”, – заявил Лукашенко”. (“Жечпосполита”, 18-19 авг.)

- “Коровы, лошади и черепахи вместе со своими хозяевами пришли в церковь городка Микстат на ежегодное освящение животных. Кто-то принес даже паука. Этой традиции уже больше 200 лет. В начале XVIII века жители расположенного в Великопольше Микстата решили, что св. Рох – покровитель больных и крестьян – спас их от эпидемии. В знак благодарности они построили церквушку и установили праздник, во время которого освящаются домашние животные. Тамошние жители верят, что после смерти св. Рох пошел на небеса вместе со своим постоянным спутником, псом Рошеком, который теперь покровительствует всем животным”. (“Дзенник”, 17 авг.)

- “В Кракове создана первая в Польше спасательная служба для диких животных (...) Лисы, куницы, косули и кабаны (...) появляются в краковских новых микрорайонах, в парках, а иногда даже на улицах в центре Кракова (...) Спасательная служба должна отлавливать диких животных и вывозить их в лес. Раненым особям будет обеспечен ветеринарный уход (...) Число живущих в Кракове кабанов перевалило за сотню”. (“Дзенник”, 12 сент.)

- “Серый тюлень – самый крупный из всех видов тюленя, обитающих в Балтийском море. В начале XX века только в

одном Гданьском заливе плавало около тысячи представителей этого вида. К этим животным относились как к обычным вредителям, безжалостно убивая их и даже назначая награды за каждого убитого тюленя. Сегодня во всем Балтийском море живет всего 500 серых тюленей, а специалисты пытаются восстановить этот вид”. (“Тыгодник повсехный”, 26 авг.)

• “275,4 тонн олова попадает в воды Балтийского моря только с территории Польши (...) Наша страна спускает в Балтийское море больше всего соединений азота (более 226 тыс. т в год) и фосфора (более 12 тыс. т в год) (...) – что превышает допустимую норму соответственно на 20 и 40%, – и не делает ничего, чтобы это изменить (...) В течение всего лишь полугода польские рыбаки не только исчерпали квоты на вылов трески, но и выловили ее почти на 11 тыс. тонн больше, за что ЕС запретил нам ловить этот вид рыбы до конца года”. (Изабела Марчак, “Дзенник” ”, 11 сент.)

• “Депутат Мартин Сэлтер, пресс-секретарь британского лобби рыболовов, хочет ужесточить правила, касающиеся охраны пресноводных рыб. Почему? Да потому что поляки ловят рыбу в английских реках и вместо того, чтобы выпускать ее обратно в воду, – съедают”. (“Дзенник”, 13 авг.)

ПОЛЯКИ, РУССКИЕ — СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ

КОНКУРС

“С КУЛЬТУРОЙ И ТРАДИЦИЯМИ РОССИИ”

В тот июньский день у меня в школе было всего три урока. Совершенно случайно я встретила на перемене свою учительницу русского языка, пани Аню. Она задала мне вопрос насчет просроченной контрольной работы по грамматике, а заодно захотела узнать и о моих планах на приближающиеся каникулы. Я собиралась в июле поехать в спортивный лагерь и даже заплатила уже аванс.

— Мне как раз сейчас позвонили, что в России организуется языковой лагерь для молодежи, — сказала учительница и взглянула на меня поверх очков. — Из нашей школы туда могут отправиться всего девять человек. Считаю, что ты заслужила эту поездку, и я уже вписала тебя в предварительный список, который представила директору.

— В России, — промелькнуло у меня в голове. — В России?! На каникулы в такую страну? Да ведь у нас же постоянно говорится, что Россия — это бедное, отсталое государство, что там ничего нет, а русские даже пальцем не хотят пошевелить, только высматривают, где бы им ухватить взятку, что-нибудь у кого-нибудь украсть либо отобрать или же, не дай Бог, безнаказанно застрелить невинного человека. Разве мало я слышала обо всех этих мафиях? У них там перестрелка — это самая что ни есть обыденная вещь. О, нет. Зачем мне это надо — ехать туда на каникулы? И не вернуться? Ни за что в жизни, я же еще головкой не ушиблась и не спятила.

— Лагерь этот пройдет в июле, в специальном учебном центре недалеко от Москвы и вместе с дорогой продлится три недели, — по-деловому сообщила моя наставница. — Ну так что, едешь?

Глазами воображения я мысленно увидела Красную площадь, себя, беспомощно стоящую в самой ее середине, рядышком — русского мафиози с пистолетом, приставленным к моему затылку, а невдалеке от нас — прогуливающегося

милиционера, разумеется, подкупленного, который смотрит на меня взглядом, полным ненависти, и бормочет под нос: “Поляк — дурак, я вам покажу...” Всё во мне прямо-таки содрогнулось. Я отбросила всякие мысли о поездке и ответила решительным тоном, что у меня как раз на это время уже забронировано место в спортивном лагере. И при этом сделала вид, будто мне очень обидно, что я не узнала о возможности отправиться в Москву чуточку раньше, и я весьма сожалею о невозможности туда поехать. Этот разговор я довольно быстро позабыла, а потому удивилась, когда на следующий день к нашему классу на переменке подошла моя подруга из другого класса, Агата, и с ходу начала орать на весь коридор, до чего же там будет классно, прямо супер, и всё такое, как мы поедem в эту Россию, чем мы станем там заниматься и вообще что нас там ждут самые замечательные каникулы в нашей жизни. Я стояла, словно соляной столб, уставившись на нее в крайнем удивлении. О чем это она говорит? Я была уверена, что у неё малость поехала крыша — может, от переизбытка солнца, так ярко сиявшего за стеклами школьных окон. Но нет, оказалось, что с головой у нее все в порядке. Агата попросту была до крайности возбуждена этим языковым лагерем в России.

— Го-о-оська, но ведь ты же едешь, верно? — воскликнула Агата с ужасом в глазах. — Едешь, да? Увидишь, как классно там будет! — рывкнула она мне прямо в ухо. — Я слыхала, что русские ребята замечательно целуются. — Она понизила голос, словно бы сообщала мне какую-то необыкновенную, страшную тайну: — Ну и любому известно, что там весь день пьют, прямо целый день напролет! Представляешь, до чего будет весело? Причем с утра до вечера! Будем пить с москалями!

— Неправда, — пробормотала я. — Судя по тому, что я слышала, это языковой лагерь, а не какой-то выпивон, — я бросила на неё насмешливо-язвительный взгляд и добавила: — И, кроме всего прочего, я вообще не еду, у меня уже забронировано место совсем в другой лагерь.

С лица Агаты медленно сошел весь энтузиазм. Она наморщила лоб и, бросая на меня обиженные и раздосадованные взгляды, пробормотала под нос:

— Ну как это ты не едешь?.. Да ты просто обязана ехать... Отмени тот лагерь! — воскликнула она возмущенно. — Такого случая, как этот, никогда больше не представится! — а потом добавила уже потише: — Прошу тебя, поезжай...

“Ясное дело, такой случай — поездка в Россию — и впрямь никогда не представится, — подумала я, — потому что кому бы

это пришло в голову отправиться туда на каникулы? Чтоб его москали в Сибирь сослали?”

— Об этом не может быть и речи, я не еду, окончательно и бесповоротно, — без колебаний ответила я. — Ты меня не убедишь.

А два часа спустя я шагала к кабинету нашей директорши, чтобы побеседовать о деталях поездки, ругая себя в душе за то, что мне не достает настойчивости и решительности. Дать себя уговорить на нечто такое! Перед отъездом предстояло еще решить множество формальных вопросов, в частности организовать визы (“Боже, — думалось мне, — куда это я еду?”), купить билеты на поезд. Путешествие должно было продолжаться целые сутки — при одной этой мысли холодная дрожь пробегала у меня по спине. А время летело, и я с ужасом отсчитывала дни, остающиеся до отъезда... 5 июля нам предстояло с самого утра мчать экспрессом до Варшавы, а оттуда — международным поездом до самой Москвы. Вместе с учительницей нас набралось десять человек.

— Только следи, что ты говоришь в России, — на прощание вбивал мне в голову папа. — Русские — страшные службисты, за всеми следят и всё подслушивают.

“Супер. Это ведь всего только три недели”, — утешала я себя в душе, когда кондуктор подал свистком сигнал отправления. Поезд, тяжело сопя, отошел от перрона с вокзала “Краков-главный”. Мы ехали.

* * *

Вокзал оказался большой, запруженный людьми и зеленый. Точнее, зеленым было громадное вокзальное здание, на макушке которого возвышалась хорошо видимая издалека надпись “Москва-Белорусская”. Прибыли мы с двухчасовым опозданием. На границе Польши с Белоруссией наш состав остановился для смены колес, что продлилось дольше, чем было запланировано. Не считая этой задержки, путешествие прошло быстро, приятно и без приключений. На вокзале в Москве нас встретила милиция и отвела в зал ожидания, а там мы ждали автобуса, которым должны были доехать до “нашего” дома отдыха. Свой багаж вся делегация сложила у эскалатора, а милиционеры, тихо разговаривая между собой, стояли рядом и опекали нас. На всякий случай я время от времени поглядывала в их сторону, проверяя, не подслушивают ли они нас, но те выглядели очень занятыми собой, а вовсе не нами. И отнюдь не казались такими мрачными службистами, как говорил папа.

Еще на перроне они сделали себе на память снимок вместе с нами и, едва только мы вышли из вагона, стали улыбаться нам, расспрашивая, как прошло путешествие. А теперь мы себе сидели на пластиковых стульях, с интересом осматриваясь и разглядывая помещение. Вокруг мельтешило большое число людей, слышался говор на множестве самых разных языков. В центре зала ожидания располагалась православная часовня для пассажиров. А у стен рядами тянулись магазины, привлекая и искушая своими многоцветными рекламами и витринами. За окнами открывался вид на город: высокие дома с неоновыми надписями, улицы, полные автомобилей и всякого народа, паркинг. А говорили, что в России ничего этого нет. В автобусе вместе с нами ехала еще одна делегация, с Украины. Мы сидели по одну сторону прохода, они — по другую. Так нам велели разместиться. Прежде чем выехать из Москвы, мы больше часа торчали в пробках, возникавших из-за дорожного ремонта. Я чувствовала себя так, словно еду в школу по запруженным краковским Аллеям. В смысле коммуникаций Москва ничем не отличается от Кракова. За стеклами мелькали интересные городские виды, здания, серые или цветные, некоторые — прямо-таки чудовищных размеров. Агата щелкала затвором, снимая то слева, то справа, Бартек похрапывал на сиденье прямо перед нашим, рядом Мачек слушал музыку, а за нами громко разговаривали Аля с Касей. Я ужасно устала и только поглядывала в окно на меняющиеся пейзажи. После каких-нибудь полутора часов монотонной езды мы завернули на автостоянку своего дома отдыха. Нас “выгрузили” из автобуса, который сразу же развернулся и отправился за следующей партией приехавших. Для нас стало большой неожиданностью (соединенной с еще большим возмущением) то обстоятельство, что нашу делегацию разделили и расселили по разным комнатам, включив в состав разных групп.

— Я не знаю русского и ни с кем не сумею договориться! — тараторила Аля, когда вожатый вел ее к белому жилому зданию номер 4. — На такое я не согласна!

Что ж, у всех нас произошедшее оставило неприятный осадок.

— Выходит, мне придется жить в одной комнате с каким-то москалем, — жаловался Мартин, затаскивая наверх свою тяжелую дорожную сумку. — Интересно, чем я буду с ним заниматься? Пожалуй, только пить — а что еще мне останется делать? — смеялся он.

В конце концов каждый из нас оказался в одной комнате с молодыми людьми из самых разных стран мира, даже таких далеких и экзотических, как Монголия, Азербайджан или

Корея. Главным языком, которым пользовались все, был русский. Стыдно признаться, но на протяжении первых дней в моем повседневном словаре были только два слова: “да” и порою “нет”, хотя иногда мне удавалось расширить его за счет “хорошо”. Оказавшись разбитыми на *отряды*, то есть группы человек примерно по шестнадцать, где каждый прибыл из другой страны, мы стали участвовать в разнообразных играх, конкурсах и представлениях. Поначалу мы подходили ко всему этому очень скептически и недоверчиво. Убегали при виде наших вожатых, прятались в самых разных, иной раз весьма странных местах либо прикидывались глухими в ответ на призывы построиться. А чаще всего мы прибегали к проверенному способу и говорили: “*Не понимаю*”, — но он быстро перестал срабатывать, так как с каждым днем мы все лучше осваивались с вездесущим русским языком. И в конце концов случилось то, на что никто из нас не надеялся. Языковой лагерь в России начал нам попросту... нравиться.

* * *

Собственно говоря, я даже не знаю, когда перестала жаловаться и испытывать желание возвратиться домой. Может, вслед за той первой совместной дискотекой, на которой все мы так замечательно развлекались? Или же после совместной победы в матче по пионерболу (разновидности волейбола)? А может быть, после того как подружилась с Ирой, коренной москвичкой, которая терпеливо обучала меня всяким русским словечкам? Неважно. Факт тот, что по истечении недели, проведенной в нашем лагере (он назывался “Московия”), никто — ни я, ни кто-либо другой из нашей делегации — уже не хотел возвращаться домой. Мы обжились тут основательно. Ежедневно ходили на занятия по русскому языку. Учеба начиналась в девять и продолжалась до самого обеда. На уроках приходилось помногу разговаривать — разумеется, по-русски. Учительницы из кожи вон лезли, чтобы объяснить нам какое-нибудь трудное словцо, рассказывали о русских традициях, обычаях и праздниках, даже декламировали стихи (чем вызывали неудержимые залпы хохота с нашей стороны). Моей учительницей была пышнотелая дама средних лет с красивым русским именем Татьяна. Уже на первом уроке, как только я сказала, откуда приехала, пани Тата всплеснула руками и поправила очки на носу, чтобы лучше ко мне присмотреться.

— Польша! — воскликнула она с характерным, чисто русским акцентом. — Ведь я же была там! Еще в студенческие годы, — она добродушно улыбнулась мне и с мечтательным взглядом продолжала говорить: — Помню Краков... Там есть такой замок,

Вавель, если я ничего не напутала. А поляки — они такие любезные и гостеприимные люди! У меня была подруга-полька, с которой я потом долго переписывалась. И даже какое-то время жила у нее. Интересно, что она сейчас делает?

Пани Татьяна знала много польских слов, и каждый раз, когда мы переводили какое-то интересное русское словечко, информировала меня об этом. Это было очень приятно: я не думала, что кто-либо на белом свете может взяться за изучение нашего трудного языка. После обеда, пользуясь свободным временем, можно было пойти поплескаться в бассейне или напахаться до седьмого пота в тренажерном зале. В послеобеденное время вожатые устраивали для нас самые разные игры, конкурсы и развлечения — на случай, если бы нам вдруг стало скучно. А в своей польской группе мы собирались все реже, обычно раз в день, репетируя и готовясь к предстоящему выступлению на фестивале национальных культур. Еще нам нравилось время от времени посидеть на лавочке у 3 го корпуса и поделиться с другими участниками своими впечатлениями — а они с каждым днем становились всё лучше. Новые знакомые из других стран, в том числе и из России, оказались интересными людьми. Я изо дня в день находилась рядом с ними и не замечала никаких отличий от нас — кроме, разумеется, той единственной разницы, что они не знали польского. Но это нам ни в чем не мешало. Мы общались слушали музыку, танцевали, а при общении с девушками одалживали друг другу прикид на дискотеку — потому что и в этом смысле между нами не существовало никаких различий. Мой ломаный русский язык с каждой минутой обогащался новыми словами, оборотами и даже целыми предложениями. Меня не переставало восхищать то, что несмотря на языковой барьер я как-то договариваюсь с любым из появлявшихся новых знакомых. Ира обучала меня говорить по-русски, а я пыталась хоть чуточку познакомить её с польским. Правда, вместо обычного польского “cześć” (“привет”) у нее выходило “цест”, а всякие трудные скороговорки, известные каждому польскому школьнику, вообще выходили за рамки ириных возможностей по части произношения. Саша, девочка из Калининградской области, целыми днями рассказывала мне о последней вечеринке, на которой побывала перед отъездом, и перечисляла всех ребят, с которыми там познакомилась, причем делала это так часто, что я уже знала их имена наизусть. Юра рассказывал мне об экскурсионной поездке в Польшу, во время которой его восхитило, до чего же красив Краков. Короче, время бежало, и я все больше сходилась со всеми и заводила дружбу с новыми знакомыми. А то обстоятельство, что в обычной жизни нас разделяли несколько

тысяч километров, тогда, во время тех каникул, не имело ни малейшего значения. Было по-настоящему здорово потолковать, посмеяться, подшутиться и даже помолчать вместе. Организаторы замечательно позаботились о нашем свободном времени. Мы принимали участие во многих конкурсах, используя при этом всякие свои умения и таланты. Так, мы играли в театр, ставя разные сценки и скетчи; пели хиты своих любимых эстрадных певцов; снимали фильмы — романтические, комедийные, остросюжетные; танцевали, рисовали, состязались в разных видах спорта, играли в пионербол, футбол или баскетбол. После того как мой отряд провел больше десятка встреч по пионерболу, мы заняли второе место по всему лагерю, и лишь из чистой скромности я не стану распространяться, что тоже играла в команде и поспособствовала этим победам. Проиграли мы только в финале, а на более ранних этапах громили всех соперниц подряд, завоевывая очередные очки в свою копилку. Совместно переживаемые эмоции, которые связывались с каждым выигрышем или — случалось и такое — поражением, помогали делать еще прочнее нити, скрепляющие нашу дружбу. Мы уже не были всего лишь случайными знакомыми из одного языкового лагеря, но группой друзей, которые делились друг с другом печалью, радостями, опасениями и секретами. Невзирая на национальность, невзирая на исповедуемую религию и вообще невзирая на все, что нас разделяло, мы чувствовали себя в “Московии” как одна большая компания хорошо спевшихся и крепко спаянных приятелей. Наша “польская скамейка”, где мы в первые, трудные дни искали и находили среди “своих” не только поддержку и заряд бодрости, но и понимание, что мы не одни в этом чуждом мире, быстро перестала быть такой уж чисто польской. Временами к нам присоединялся московский диджей с привлекательно звучащим псевдонимом “Карелл”. Приходил и садился рядом. А потом мы разговаривали. Обычно обо всем и ни о чем. Относился он к нам, как к старым знакомцам, хотя мы были родом из такой небольшой по сравнению с Россией и далекой от его родины страны, как Польша. Мы тоже его полюбили. Трудно было бы доискаться, кто сильнее всех. Когда он заболел и уехал в Москву, мы каждый день высматривали, не вернулся ли уже случайно Карелл на свою работу. И он вернулся. Под конец нашего пребывания. А на торжественном прощальном вечере вручил каждому из нас, поляков, по компакт-диск со всеми произведениями, какие мы слушали в лагере. Нас безмерно обрадовало это доказательство дружбы. На каждой пластинке была именная дарственная надпись.

Где-то в середине лагеря прошел фестиваль национальных культур. Каждая делегация долго готовилась к выступлению: были национальные костюмы, танцы, музыка и даже песни. Кое-кому костюмы краковянки и краковянина, в которых мы выступали, показались экзотическими. Больше всего эмоций породила шапка Мартина — конфедератка с четырёхугольным верхом, украшенная павлиньим пером. Вскоре потом это перо исчезло при таинственных обстоятельствах и так никогда и не нашлось. А самая большая неразбериха воцарилась после фестиваля: каждому хотелось сфотографироваться с каждым, чтобы увековечить на снимках нетипичные народные костюмы. Русские на сцене представили историю возникновения Москвы. Дима выступил в качестве трехголового змея, а в образе его победителя и одновременно — спасителя поработанных девиц предстал Максим. В ходе этого спектакля мне вспомнилась краковская легенда о вавельском драконе и сапожнике Дратвочке — разве что у “нашего” дракона была всего одна голова. Русские народные костюмы оказались похожими на польские, чешские, белорусские и украинские. Четыре раза мы побывали в Москве. Ходили в Кремль, посмотрели Красную площадь, Арбат, катались в метро, и, хотя мы отдавали себе отчет в том, что увиденное нами — это только капля в море московских памятников старины, город нас восхитил. Мы высоко задирали головы, стараясь получше рассмотреть высокие, мощные здания и монументы, выстраивались в очереди, чтобы сфотографироваться, и широко разевали рты при виде очередной святыни русской культуры. В любом случае — несмотря на мои первоначальные опасения, в которых мне теперь стыдно признаваться, — никто не гонялся за нами с пистолетом и даже не обзывал нас пренебрежительными кличками вроде полячишек. И сейчас мне очень жалко, когда я думаю, какое расстояние разделяет Москву и Краков — эти два самых красивых города из тех, что мне известны.

В такой блаженной идиллии (не считая утренних разминок) и проходил у нас день за днем, пока в конце не наступил самый последний, которого никто не хотел...

* * *

...день отъезда. Насколько мне помнится, он пришелся на 28 июля. Уже с трех часов ночи каждый час раздавался зловещий звук сирены, означавший, что в этот момент какая-то из делегаций покидает нас и возвращается домой. Туристические автобусы поочередно отвозили делегатские группы на вокзал или в аэропорт. Мы выходили помахать рукой уезжающим, и

это прощание неизменно завершалось слезами и взаимными обещаниями дружбы “навсегда”. Всякий раз с небольшой площадки перед воротами возвращалось все меньше народу, и наш лагерь постепенно пустел. Настало время уезжать и нам, полякам. В половине второго, сразу после обеда, мы собрались с багажом возле уже поджидавшего автобуса. Проводить нас пришла совсем уже небольшая группа тех, кто еще оставался в лагере. Преобладало грустное настроение, мы обменивались адресами и телефонами, в спешке записывая их на руках или обрывках бумаги, в последний раз обнимали друг друга и целовались, утешая себя тем, что когда-нибудь мы ведь еще наверняка встретимся... — но каждый хорошо знал, что это неправда. “Московия” закончилась, она была, словно прекрасный сон о приключении, дружбе и радости, а сейчас каждый из нас просыпался и возвращался домой, в свою страну, к нормальной повседневной жизни. Что-то, однако, изменилось. Теперь, когда я слышу в новостях о событиях в России, перед моим мысленным взором встают Ира, Аня, Юра, Максим, Саша и наша дружба, которая продолжается по сей день наперекор времени и огромному расстоянию. Я улыбаюсь тогда сама себе и горжусь, что познакомилась с ними. Ведь совсем не у каждого есть в каких-нибудь далеких уголках земли настоящие друзья, которые просто живут где-то там, в большом мире, — ведут такую же обыденную жизнь, как и мы.

— А ну, укладывайте-ка свой багаж и рассаживайтесь! — рывкнул потерявший терпение водитель автобуса, завершая тем самым наше трогательное и эмоциональное прощание. Что ж оставалось делать?.. Мы уезжали с красными от плача глазами, прилипнув носами к стеклу, чтобы как можно дольше видеть прощавшихся с нами обитателей лагеря. Слышали их громогласное, немного фальшивящее пение: “По-о-ольша-а-а а, бело-красныееёёёёёёё е”, — и видели машущие нам руки. Потом “Московию” закрыли деревья, а мы направились в сторону Белорусского вокзала.

* * *

Ритмический перестук вагонных колес почти гипнотизировал. Опускались сумерки, на горизонте расстилалась панорама отдалявшейся и уменьшавшейся Москвы, окутанной красным заревом заходящего солнца. Мы с Бартеком стояли в коридоре у открытого окна, через которое влетал ветер и оведал наши лица прохладным вечерним воздухом. Задумавшись, мы смотрели на город.

— Этот лагерь вернул мне веру в людей, — сказал внезапно Бартек, словно бы размышляя.

— Угу, — поддакнула я. — А мне в течение этих трех недель удалось узнать много интересных вещей о человеке и о мире...

— И минуту спустя добавила: — Всего лишь трех, но замечательных недель, — а Бартек печально улыбнулся.

— Не думал я, что у человека из другой страны, тем более из России, могут быть такие же потребности, проблемы и радости, как у нас. Вроде бы мы разные, потому что живем в разных государствах, и все же где-то внутри каждый оказывается точно таким же человеком, нуждающимся в тепле, любви, дружбе, играх и развлечениях, — сказал Бартек, и я тоже согласилась с этим.

После “Московии” у меня сохранились фотоснимки и прекрасные воспоминания. Я рада, что съездила туда.

В лагере мы действительно много пили — ведь лето было жарким. И чаще всего мы обращались к ванильной кока-коле, которой в Польше нет. Жаль, что я не купила себе несколько бутылок про запас: она очень пришлась мне по вкусу. Не знаю, на самом ли деле русские ребята так уж замечательно целуются. Я не проверяла. Но вот Агата сразу же по приезде в Польшу сказала мне, что это дело вовсе не определяется национальностью. И, наверное, она права.

Пребывание в “Московии” навсегда изменило мою жизнь. Я научилась не верить избитым, ложным стереотипам, которые только обижают другого человека. Русский или поляк — мы всего лишь живем в разных государствах, но на самом деле представляем собой единую славянскую семью. В повседневной жизни мы — соседи. У каждого из нас схожие радости, печали и проблемы; по правде говоря, на самом деле нас больше соединяет, чем разделяет.

ПРЕЗИДЕНТЫ ИДУТ НА ВОСТОК

На заработки в Москву и Киев поляки ездят не для того, чтобы мыть посуду, класть плитку или убирать офисы. Сюда ездят возглавлять фирмы – за солидную зарплату в долларах, просторную квартиру и лимузин с водителем.

Борис Ложкин больше похож на студента, чем на ведущего газетного магната Украины. 36-летний, почти двухметровый мужчина с мальчишеским лицом безупречно изъясняется по-английски. На Украине и в России он издает несколько газет и несколько десятков журналов. Он заработал уже 100 млн. долларов, но его амбиции идут дальше.

29 марта в варшавском отеле “Виктория” Ложкин выступал перед 200 польскими медиа-менеджерами. Он рассказывал им о рынке и фирме, столбики на слайдах всё росли и росли.

Внезапно он заявил: “Сейчас мы нуждаемся в опытных менеджерах и журналистах. На Украине их нет. Поляки подходят идеально, потому что недавно вы создавали с нуля свой собственный рынок и понимаете нашу ментальность”.

После выступления в кулуарах Ложкин выпрашивал: “Вы не знаете кого-нибудь, кто говорит по-русски и хотел бы работать на Украине?”

Тройки с плюсом достаточно

Да что там Ложкин! Вот Михаил Фридман, если верить “Форбсу”, нажил уже 12 млрд. долларов. 39-летний бизнесмен вырос во Львове. Закончив институт в Москве, он создал группу “Альфа” – сегодня это конгломерат топливных, телекоммуникационных и торговых фирм.

Фридман, тесно связанный с Кремлем, – владелец крупнейшего в России частного банка (“Альфа-банка”), в контрольный совет которого входит Анджей Подсядло, бывший директор [крупнейшего польского банка] ПКО БП. В правлении “Альфа-банка” заседает Томаш Казьмеровский, ранее работавший в “Интелиго”.

А в правление фирмы “Х5”, строящей сети магазинов, до недавнего времени входил Павел Мусял, который в Польше работал директором в “Теско”.

- Польские менеджеры ценятся очень высоко, потому что у них схожая с русской ментальность, - говорит Павел Мусял, а Ольга Суворова из московской фирмы, занимающейся набором менеджеров, добавляет к списку достоинств поляков опыт и знание языка.

Самый крупный олигарх на Украине - Ринат Ахметов (41 год). Его состояние оценивается в 4 млрд. долларов.

Металлургические комбинаты, угольные шахты, электростанции, банки, сети мобильной связи, газеты, телеканалы. В его фирмах полно иностранцев. Есть датчане, немцы, французы, даже аргентинец. На встречи они ходят с переводчиками. Вальдемару Дзикову переводчик не нужен. Ахметов переманил его к себе в Киев с телеканала "Польсат", где Дзиковый был исполнительным директором, и назначил директором телеканала ТРК "Украина".

Теперь Дзиковый по достоинству оценил 12-летний курс русского, который обеспечила ему пээнэровская школа.

- Я подтверждаю свои права на тройку с плюсом, - смеется он. - Но коллеги с Запада интенсивно учат русский. Это многообещающий рынок.

Однако, как признается сам бывший директор "Польсата", он, в отличие от своих западных коллег, знает славянскую ментальность.

Последние рубли - на помаду

- Вот вам пример с телевидения, - говорит Дзиковый. - Западные менеджеры привыкли действовать, опираясь на процедуры. Правление принимает решение, передает распоряжения менеджерам среднего звена, а те - рядовым сотрудникам. Всё идет своим чередом. А на Востоке устраивают мозговую атаку и импровизируют. Иногда я опасался, что передача просто не имеет права получиться. Но всё получалось. Хотя изменение режима работы требует времени.

У импровизации есть свои плюсы. Когда процедура не срабатывает, западные специалисты теряются. Между тем поляки, как и украинцы, в таких случаях активизируются. Если что-то ломается, никто не ждет неделю, пока привезут новое оборудование, - люди сами чинят поломанное.

Знать ментальность выгодно.

В 90-е годы рекрутер Ольга Суворова работала в российском филиале косметического концерна "Эсте Лаудер". Лондонское

начальство не могло понять покупательниц с Востока.

- Западная женщина купит себе очень дорогую помаду, только убедившись в том, что она может себе это позволить. Русская потратит последние деньги. У нее другие приоритеты, - подчеркивает Суворова. - Лондон в конце концов это понял благодаря поляку. Веслав Скробовский из варшавского отделения проделал огромную работу, чтобы им это объяснить.

В прошлом году российские операторы мобильной связи боролись с министерством за более выгодные тарифы на звонки между сетями. "Билайн" послал на переговоры американца - полное фиаско. Чиновники вообще не хотели вести переговоры по-английски: "Мы в России, здесь говорят по-русски". Американец даже не смог понять, как эти тарифы рассчитываются. Тогда в дело вступил Гжегож Эш. Как член правления сети МТС он припер чиновников к стене и решил вопрос. В министерстве его запомнили надолго. Даже потом, во время телевизионной дискуссии, чиновники публично жаловались на Эша, называя его "польским экстремистом".

- Полякам легче, - говорит Михал Бронятовский. - Ведь в России решающую роль играет не закон, а "понятия".

Бронятовский приехал в Москву в середине 90-х. Он создавал офис информационного агентства "Рейтер", был консультантом издательства "Эдипресс" при поглощении российской фирмы, а последние четыре года развивает агентство "Интерфакс" за границей.

- За столько лет у меня выработался мощный иммунитет против бюрократии, - говорит он. - А проблемы начинаются с момента приезда в Россию, с получения вида на жительство. Крупная фирма хотела взять на работу поляка, но формальностей было столько, что в конце концов варшавский менеджер получил приглашение Олимпийского комитета. После этого разрешение было дано без проблем.

Сегодня в Москве работает около 15 тысяч поляков.

Привыкаешь или ох...еваешь

Кошмаром для приезжих оказываются грубые и склочные вахтерши, продавщицы, таксисты. Помню, как западные туристы толпились на трескучем морозе у входа в Архангельский собор Кремля, где похоронены русские цари и московские князья. Американцы умирали от страха перед коренастой бабулей, сидевшей на входе.

– Закрывайте двери, закрывайте двери, – кричала она на входивших в храм туристов.

– Ничего не понимают! – возмущалась она. – У себя дома они тоже не закрывают двери в такую погоду?!

Однако в России можно нарваться на неприятности даже при вежливом обслуживающем персонале.

Несколько лет назад Петр Собецкий, начальник отдела маркетинга девелоперской фирмы “Юнис”, купил новенький “Ситроен” С4. Несмотря на это он продолжает ездить на работу на автобусе.

– Работники салона, выписывая документы на машину, перепутали все номера, – вздыхает Собецкий. – А теперь я не могу с ними договориться, чтобы все это исправить.

Собецкий уже не нервничает – он живет в Москве больше десяти лет. Больше его раздражают очереди, которые возвращаются в столицу несмотря на ее богатство. Директор “Юниса” купил “Ситроен”, потому что это одна из немногих машин, которые можно приобрести на месте. Некоторые немецкие или японские автомобили нужно ждать от 8 до 12 месяцев – настолько высок спрос.

Впрочем, машин в 12-миллионном мегаполисе столько, что из-за пробок дорога на работу занимает несколько часов. Михал Бронятовский просто снял квартиру на Тверской, в самом центре, чтобы на работу ходить пешком. Несмотря на астрономические цены, получается все равно дешевле.

Поляки лучше, чем приезжие с Запада, переносят здешний суровый климат.

– Зима в России длится восемь месяцев. Как здесь говорят, “привыкаешь или ох...еваешь”, – признаётся молодой банковский служащий из Лондона, который в Москве проработал два года. – Это самые трудные годы в моей карьере.

Не все коту масленица

Самый большой спрос на директоров из Польши – в секторах финансовых услуг, розничной торговли и обслуживания клиентов в самом широком понимании.

– Это отрасли, которые у вас развиты гораздо лучше, чем в России, – говорит Ольга Суворова, владелица фирмы

Suvorova&Partners. – Хотя у нас поляки работают практически во всех отраслях.

На какие зарплаты можно рассчитывать?

– Менеджеры высшего звена заработают в Москве больше, чем в Лондоне или Париже, – говорит Бронятовский.

Ну так сколько? Ни один из моих собеседников не захотел назвать сумму.

По данным SalaryExpert.com, президенты, вице-президенты и генеральные директора могут рассчитывать на зарплату порядка 10–40 тыс. долларов в месяц. Менеджеры среднего звена заработают не менее 5–7 тыс. долларов.

Но зарплата и премии – это еще не всё. В стандарт входят служебная квартира в квартале для иностранцев, частное медицинское обслуживание, страхование жизни для всей семьи, уроки русского, частная школа для детей, лимузин с водителем. Обычно фирмы оплачивают и авиабилеты на родину – например, два раза в месяц.

– Тот, кто может сделать блестящую карьеру в Польше или на Западе, нуждается в мощном стимуле для того, чтобы бросить все и отправиться в неведомые края, – объясняет Дзикий.

Однако Ольга Суворова предупреждает: на Востоке можно много заработать, но не всё коту масленица.

Хозяева российских фирм – люди молодые (большинству из них около 40) и страшно нетерпеливые.

– Их не устраивает покорение рынка через пять–восемь лет. Они хотят быстрых побед. Ради собственной безопасности менеджеры из Польши должны систематически добиваться хотя бы небольшого прогресса, – советует Суворова.

– Ну и самое главное: договорись о “золотом парашюте”. Известны случаи, когда хозяина фирмы одолевает усталость и он нанимает генерального или исполнительного директора, а сам летит на Лазурный берег или Майорку. Но через три–четыре месяца хозяин возвращается отдохнувшим, полным сил и идей. И внезапно выписанный из-за рубежа директор теряет влияние в фирме. Или вообще вылетает с работы.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Негативная ода

О нет, милые, никаких

средиземноморских мифов, греческих богов, хватит
этих Паллад

(с подхорунжими на Бельведер), никаких

Гер, Гесперид, Гермесов герметичных open here.

С меня довольно дезодоранта “Фавн” в отеле
“Меркурий”.

Ладно, пусть воняет козлом в воровском храме,
но мне ни к чему ни хламида из торлена, ни талес
милетский.

О нет, милые,

никаких онирических видений, только явь,

открытые глаза, горький вкус проклятий, никотина,
прогорклого масла,

а тем более никаких сюрреализмов, прошу вас. Они
годятся

для киноплакатов, для рекламы паровозов, для
сценографии,

когда хорошо платят, но эта валюта

не обеспечена ничем.

О, наконец-то вы на меня посмотрели

живей. Но с явным отвращением,

поскольку я говорю, как варвар, а это значит —

чужой вам.

Так и есть, хотя я так же гол,
хотя мы торгуем в одних и тех же руинах,
но вы незримы, вы достойны. Удобоудостоены.
Прекрасны ваши жесты в драных тужурках,
только полегче, милые, а то сквозь дыры видно, как
грустно болтается ваш привядший классовый
интерес. Миссия, говорите вы, миссия.

О да, милые, меня тоже
интересует наше великолепное прошлое,
растущее непосредственно из прошлого нашей
великолепной
латинской цивилизации (ах, Петрарка),
дабы наш непредсказуемый, радужный павлин
народов
мог блеснуть,
прежде чем тяжкий сон опередит похмелье.

О да,
не Эллада, однако и не Литва “как здоровье”, и не
озеро Леман,
и не сладкая Франция, милые, а жизнь кочевников
в плоской степи, где властвует ветер
и вновь надвигается песчаная буря, где полутьма
бьёт сухими листьями, воззваниями, циркулярами,
летучим цементом, двуокисью серы,
дезинформацией.

В развалинах смрад мочи, пива, гниющих тел,
взрывы. Мозг зарастает
интересной разновидностью болотных водорослей,

он уже почти несъедобен. Немногое видно, дыхание
требуется сноровки, и именно здесь,
сейчас
я должен среди камней развести костёр,
чтобы испечь кусок худосочной курицы
для себя и детей, ведь иначе —
Вот
что меня интересует, златоустые.

1
9
7
7

Сквозь оконное стекло

Белым-бело серые башни белизна белизна
даже экскаватор жёлтый замело.
Заснеженная арматура несостоявшейся стройки
прикинулась кустами сирени. Покашливая качается
под толчками ветра озябший маленький фиат
весь тёмно-красный.
Вот он исчез за блоком ещё не застеклённых клетушек.
Серый бетон белым-бело
белизна.

1
9
8
3

Белостоцкие леса

Солнце на щеке и немножко на шее.
Передо мной остро вырезанные листья клёна

надо мной ещё больше я чувствую взгляды этой
толпы и товарищей в короткой шеренге
и мокрую яму которую мы копали.
Мы недвижны — и тишина. Никогда я не слышал
такой тишины хотя рядом ходят орут
этих я не слышу. Зато трактор вдали
километра два отсюда ровненько тарахтит
умолк почему он умолк. Пролаяла команда.
Листва расплывается пятна зелёные жёлтые
возле самой лестницы. Наверно это настурции.
Мой слева напрег мышцы как на старте ждёт
звука которого не успеет услышать.
Я мог бы взглянуть на него да спугну солнце.

1
9
7
9

Сорок четыре

Я встал. Ну и идиотское же ты говорил это
восстание шансов нет резня ну и восстание
ты говорил передадут по радио пару речей.
Это ж корова которую вывели на минное
поле. Зачем же говорил я почему ты
сам лезешь говорил я опомнись жертва.
Он засмеялся. Я говорил он говорил но
когда живёшь в обществе жертвующем собой знаешь
не всегда говорил он можно отказаться сделать
жертвенный

шаг. Плод созрел и вот-вот лопнет
венки сплетены говорил он. Только не внушать себе
что этот дым будет убедителен что племенной обряд
подействует на другие народы. Не сойти бы с ума
здесь это запросто говорил он смеясь пряча
вычищенный пистолет сгрёб со стола
шесть патронов я точно посчитал шесть.
Он погиб. О таких говорят бывшие герои
говорят вот пример. Блеск и тьма. Я говорю
людям об этом разговоре потому что знаю это мой
идиотский долг
перед ним.

1
9
8
2

Баллада для Вийона

Мы ещё не знаем что такое голод.
В сорок пятом попадались
доходяги что надо. Кругом проволока
а они копаются в прошлогоднем снегу
но травы нет.
Мы ещё не знаем что нас ждёт.
А небо уже становилось чище тучи насилия
расходились. Люди высматривали весну.
Лучше не знать что случится.
В семьдесят пятом году
госпожу Чан Чи-Син которая

вопреки культурной революции бесстыдница
посмела что-то комментировать
с перерезанным горлом представили
на суд общественности. Она имела право
взять слово до и после приговора.
Пусть кто-нибудь поставит еще литр
мы же не знаем что такое голод.
На лотке лежит лук
картошка помидоры вишни
огурцы. У девушек лукавые взгляды
мы еще не знаем что случится.
Кто сыпанёт нам в глаза кто нас выдаст
кому мы по полной выдадим сами.
Чистая отечественная в башке ой дымит
у тебя Йолька майонез на щеке. Ребята
пусть этот стол горит как солнце
мы ещё не знаем как мы кончим.

1
9
8
3

Лешек 3. присел на рюкзак возле Сейн
Только что в этих неподвижных камышах
маячил этакий столбик. Но едва я глянул
на полосу над соснами она красная
а его нет. Духи тут любят посмеяться
то транспорт с кожами исчезнет то целая гмина
униатская

а ведь это была выпь мимистка и маловерка.
Она понимает правила. Не быть чтобы быть
а чуть объектив сразу в сторону
даже если посмотрит пустой глаз туриста
что присел поглядывая так будто не видит.
Расплывшийся стеклянный вид две лодки тянут
верёвку.
Пыхтит моторчик. Тогда тоже
среди бела дня прошли сетью от леса
вылавливая дрожащих мальчишек
из перелесков из стогов хлебов картофельных ям
приозёрных
камышей. Как она исчезает сукина дочь
ни звука
ни один стебелёк не прошепчет где.
Ночь будет тёмная луна в чёрных листьях
млечный путь низкий далеко
уходит. Говорят двое вернулись
через десять лет но кто именно
никто не знает. Давно было дело память затянута
илом.
О, как блеснула чомга. Три облака
замерли затаив дыхание
словно удрали из тех паровозов
и не очень знают что дальше.
За водой-водою Джими Хендрикс поёт хоть он и умер.

Сказка перед сном

Когда-то знаешь когда чужие войска шли по стране
а то и свои а за ними зарево люди
прятались в лесах. Леса были большие. Целые деревни
со всем скарбом со скотиной ныряли в зелень
пока не пройдут паразиты. Бывало в дождливую ночь
и крепостные уходили в лес если
знали что такое свобода (знаешь можно ведь и не
знать).

Но лесов больше нет. Ты сам в воскресенье видел:
древостой редкий что твоя куртка на локтях
березняк чахлые молодые сосенки
на полигонах где корень упирается в бетон
прямо как мы сынок. Наше лиственное убежище
теперь — толпа. Подвижная чаща
исчезает и вновь вырастает вырубай не вырубай.
Она колючая и непроходимая пока не окажешься
внутри.

Тогда она безопасная тёплая сплочённая общим
делом.

Так что спи высоко в ветвях пусть тебя не разбудит
урчание. Это просто множество людей.

Кшиштоф Й. на песке

Ты подняла волосы тяжёлые как водоросли
и по затылку прежде чем ты шевельнёшься
уже мчатся округлые капли гонятся друг за другом
фон — трое парней на парусных досках и
уже течёт ручеёк среди коричневых взгорий
по долине позвоночника средь мокрого чертополоха
палевых волосков в панике поблекших.

Я ставлю пальцем запруду ты целуешь меня в нос
и исчезает затуманенное стекло. Иногда оно нас
разделяет
картинка словно размазывается. Какой-нибудь пустяк
и вдруг туман мы уже вне контакта

притворяемся мол ничего просто солнце. Я ведь знаю
ты убежала

из дома полного кузин и венецианского стекла
от разговоров за столом что лира падает на заводах
увольнения

в обоих блоках блокада и что пора замуж
но как говорится “удались в Витторио”

туманные тучи заволакивают твоё лицо глаза
темнеют

перед грозой. Ладно я ничего не понимаю только
что-то там урывками например ау муха жаль что ты
должна

возвращаться. Я тоже. Ведь мы закомпостирировали
мой экзотический билет Рим—Варшава
на вторник. Я тоже убежал до понедельника
у беглецов есть только сегодня. Есть море и дыни

не время вдаваться в различия опыта.

Это была твоя идея удрать сюда. На три дня. Мы вновь открываем

то что старше чем мост Тиберия над каналом

приземистый мраморный на нём грохочут грузовики

по одному он ведь узкий. Вновь открываем рецепт интенсивности:

смерть. Шумит городок

раскалённый добела. Мы украдкой

вырываем его друг у друга мой а не твой.

Пиво очень холодное лист очень зелёный

только до понедельника. Снова нахмурится

славный старый обман. Блеск

короткое слово увы. Смех такое же короткое слово.

Смотри чайки на волнорезе стоят

неподвижной цепью как милиционеры

пойдём лучше в воду. Ты смотришь удивлённая

почему лучше ну видишь теперь ты

ничего не видишь бежим газу газу-у-у

бух.

Пусть только белые брызги останутся между нами

от этого сучьего стекла ракушки пристань для яхт

пахнет смазкой перестань аии перестань

и в тёмном баре плакат “Fly by PANAM to Miami”

и простыни полосатые от жалюзи

и бледно-жёлтая дорожка-хохотушка на коричневом склоне

ещё солёная

и сонный шум

пристегнуть ремни не курить. Пока не сгустилась
мгла.

1

9

8

4

Описание фотографии

Это случилось где-то на лесной поляне, говорит
снимок,

где-то в травах среди сосен. Прахом пошли

мотивы, но взглядишь, он расскажет тебе больше.

Спокойные, чистые снимки делали век назад

на Мидуэсте. Шум торжища,

толпа встречает поезд, в толпе дама

в длинной кудрявой шубе из бизона. Семьи
празднично

одеты, мужчины стоят, женщины сидят, дети возле
них.

И эти крупные планы: блеск в глазах, лица, как кора
деревьев,

изрытые снегами, потом, пылью и риском, лица

из Додж-Сити, Канзас, в местном музее.

У этого нет лица, его поглотила тень

шляпы. Кожаная куртка, высокие замшевые сапоги

в мягких складках, на метр от земли. Жёсткая
вертикаль

аркана соединяет поникшую голову

с веткой сосны. Руки свободны, видно, он принял
судьбу

как должно. Ну да, с коня, один шлепок по заду,

даже шляпа не упала. А может, упала
и ему надели её для фотографии,
чтоб выглядел. Тогда уважали людей.
В чём было дело, мы не знаем, неважно. Интересней
другое,
с кем был фотограф. С теми, кто это сделал,
или с теми, кто обнаружил? А снимок, что это —
громкий
крик торжества, трофей? Или легальный, банальный,
как всегда,
акт закона, улика из уголовного дела
в Додж-Сити, Канзас, в кабинете судьи? А
что было потом? Ведь кто-то
снял чёрное полотнище, сложил штатив и прыгнул в
седло — и
что, что тогда? Весёлое возвращение, смех, шутки?
Бегство лисы, петляющей среди сосен? Или
шпоры гнева, грохот камней, погоня
день за днём, пузыри на коже, козлиный запах
немытых тел,
холодные звёзды, погасшие костры, всё дальше и
дальше
от Додж-Сити, зной и пыль, несколько выстрелов,
потом одиночный,
а через миг траурный венок, венок коней, танцующих
вокруг того, что рухнуло в траву, храпящих, в лишаях
пены?
Мы не знаем, с кем был фотограф. Остался
итог на ветке, изогнутый знаком вопроса, без следа
борьбы, он тоже отнёсся к нему

уважительно: не заглянул в лицо, не знал он
нынешних фоторепортёров, как они завывают,
раздирая останки,
чтобы продать. Фотограф подарил тому человеку
занятную штуку,
нашу память. И только тот знает — о ком,
когда так серьёзно, в удобных сапогах висит
в Додж-Сити, Канзас, в архивном фонде.

1
9
8
5

Вацлав Н., пенсионер, чинит заступ

Эти сопляки Кульчицкие принесли утром совёнка,
птенца. Чёрные глаза впились в меня
внимательно и серьёзно. Всё темнее били
роднички в глубине зрачков, в них остался только
немой вопрос.
У него даже не было сил щёлкать клювом.
Так и застряло у меня в башке. Уже вечер, и
теперь я знаю, что. Мать с лампой, Ваце-э-эк,
затемнение
тебе надо еще к соседям сбегать
за карбидом. А у них на кухне подобранный в городе
маленький Арон. Ну да, те же глаза.

1
9
8
1

КОНСТАНТЫ ПУЗЫНА ПИШЕТ СТИХИ В ДОКТОРАНТУРЕ В США

Даже нельзя сказать, что Константин Пузына (друзья и знакомые называли его “Кэт”) был поэтом. Он был прежде всего театральным критиком, одним из самых блестящих; его читают и по сей день, чтобы ощутить вкус старых спектаклей. Хвалили его ум, эрудицию, способность герменевтически проникать в суть постановки — он занимался имманентной критикой, само произведение давало Пузыне орудия, с помощью которых он затем его мастерски разбирал. В легенду вошло его новаторское двухтомное издание драм Станислава Игнация Виткевича (особенно предисловие), а также те долгие годы, когда Пузына редактировал журнал “Диалог”, где были представлены все новейшие явления отечественной и зарубежной драматургии.

Однако не об этом хотел я здесь сказать, театр — не моя специальность. В конце своей недолгой жизни (а дожил он лишь до шестидесяти) Пузына ощутил потребность перемен. Перемены, впрочем, совершались сами, распадалась относительно стабильная атмосфера культуры 1970 х, которую создавал и он, поэтому ничего удивительного, что он попробовал заняться чем-то другим. Во-первых, критик и редактор решил защитить докторскую диссертацию и тем открыть себе возможность университетской карьеры (как-никак, а когда-то он был любимым учеником выдающегося литературоведа Казимежа Выки). Во-вторых, он начал писать стихи, которые вышли книгой “Камешки” незадолго до смерти автора (умер он в 1989 м). Местом докторантуры Пузына выбрал Нью-Йорк — именно здесь родилось большинство его стихов, и, видимо, это стечение обстоятельств послужило причиной (во всяком случае, решающей причиной) того, что тоненький сборник “Камешки” оказался одной из самых интересных поэтических книг 1980 х, притом настолько нетипичной, что она серьезно воздействовала на поэтов следующего десятилетия, которое, как известно, прошло под знаком американских влияний.

Если бы манифестом дебютантов 1992 г. не стало стихотворение Мартина Светлицкого “Яну Польковскому”, таким манифестом, несомненно, могла бы стать открывавшая

сборник Пузыны “Негативная ода”, хотя написана она в 1977 м. Светлицкий избрал своей мишенью Яна Польковского, корифея “поэзии военного положения” — по мнению Светлицкого, изъяснявшейся выпрненным тоном, а на самом деле “рабски” зависимой от гнетущего политического положения. Пузына же протестует против любых масок в поэзии.

А ведь маска в эпоху Герека служила всем — как невинным классицистам, так и говорившему тиртейской речью Збигневу Херберту или принявшим позы олимпийских богов эмигрантам типа Чеслава Милоша. Пятидесятилетний дебютант пристыдил всех этих златоустов своей минималистской программой, которая звучала: “только явь”. Конечно, правоту его признали не все и не сразу. Но, возможно, тогда он ещё и не был прав; просто сказал, что именно он любит. А потом это полюбили и другие.

Впрочем, связь Пузыны с Хербертом более сложна и по-своему страстна. Очередное программное (уже американское) стихотворение “Казино” содержит следующее поучение: “Не будь ах-артистичен, брось эти струны света”, — недвусмысленный намек на раннюю поэзию Збигнева Херберта (“Струна света” — название первого сборника стихов Херберта, 1956. — Ред.). И далее: “Будь тем, кто ты есть, / камешком, каких миллионы на белых пляжах, / их так же стирают ленивые волны империи, / солёные и горькие, ибо от них не сбежать (...). Будь гладким, маленьким, твёрдым, / только не стань Избавителем, / который воркует и один как перст (...) обвиняет / будничным застой”.

Заглавный мотив камешка как своего рода идеала, образца для поэта явно взят у Херберта, однако Херберт не перестаёт быть объектом едкой критики, быть может, по той же причине, по которой возникает неприязнь к тем, кто нам что-то одолжил. Кстати, есть и ещё один долг: лирика роли, которую Пузына с удовольствием перенимает, — это чисто хербертовский приём, хотя вместо единого *porte-parole* тут их целый отряд.

Что интересно, тематическую материю большинства стихотворений книги составляют не — как можно было ожидать — непосредственные наблюдения действительности, но отдаленные воспоминания, в частности военные, что несомненно связано с требованием объективности — очищения истории от лжи, коль скоро автор знает, как было на самом деле. Тут результаты поразительны, и по-прежнему производят впечатление такие стихи, как “Сорок четыре”, где отсылка к мистическим видениям ксендза Петра из “Дзядов” Мицкевича означает в то же время дату (год) Варшавского

восстания, названного здесь “идиотским”, что звучало бы невероятно иконоборчески, если бы не было высказыванием одного из участников (или, скорее, добровольных жертв) той непродуманной боевой операции. Однако это, быть может, самое риторическое произведение не заслоняет остальных: суггестивного, чувственного образа переживаний человека, которого расстреливают (“Белостоцкие леса”), или иронического сопоставления школьной премудрости с военным опытом (“Lehrjahre”).

С одной стороны, могут слегка удивлять эти военные стихи, написанные в конце XX века, однако надо помнить, что и тогда по Польше ездили танки, а это вызывало соответствующие ассоциации. Пузына умеет их эксплуатировать исключительно трезво, с дистанцией, ненавязчиво, как в стихотворении “Вацлав Н., пенсионер, чинит заступ”, которое восхитило самого Яна Котта своей “поздней горькой мудростью” и “горькой жалостью, свободной от сантиментов”.

Любопытно, между прочим: Котт везде замечает горечь, а я вижу у Пузыны скорее расстроенную, кислую мину ребенка, который наблюдает “идиотские” занятия взрослых. Кстати, сам Котт описывает лицо Пузыны так: “Это было лицо старого человека, больного и усталого, пока его вдруг, неожиданно не освещало и не омолаживало хихиканье, опять-таки почти мальчишеское”. Хихиканья тут как раз много, хотя оно касается серьезных вещей, хотя бы того, как (в “Индийском лете”) колонизированные теперь колонизируют тех, кто их некогда колонизировал...

Однако я никак не коснусь того, что в “Камешках” всего важнее, — стиля. Котт называет его “горькое *ars prosaica*”, потом стали говорить просто “разговорный стиль”. Стиль этот отнюдь не вульгарен, хотя и Пузыне случается написать: “Не думай, / что поток сознания утешит тех, кого обмочили”, ругнуть “сучье стекло” или довольно грубо спародировать высказывание Юлиуша Словацкого о Польше как “павлине народов”.

Однако главное — легкость этого стиля (отличающая его от растянутых неоромантических стихов, что писали при военном положении), умение использовать разговорные обороты для чрезвычайно тонких (а порой забавных) поэтических целей. Например, когда в стихотворении “Сквозь оконное стекло” мы читаем, что “даже экскаватор жёлтый замело”, буквально это значит, что его занесло снегом, но в то же время “заметённый” экскаватор — это и машина малость в подпитии, нетрезвая, наверняка она стоит криво, брошенная

где-нибудь на краю котлована, — вот вам как на ладони действительность поздней ПНР. Или фраза: “За водой-водою Джими Хендрикс поёт хоть он и умер” — это наше народное “за водой-водою” в сочетании с Хендриксом звучит и смешно и прелестно, даже трогательно.

В девяностые годы у “Камешков” были горячие поклонники, хотя бы Дарек Фокс, который посвятил им свое “Стихотворение для антологии „Книжная лавка Госиздата на улице Фоксаль в Варшаве в современной польской поэзии””. Текст говорит о том, как трудно купить книгу Пузыны в упомянутой лавке: “Я солгал, / говоря: должно быть, / всё забрал господин Пузына. Я солгал, / а ты вышел оттуда без „Камешков””. Это, конечно, подражание разговорному стилю Пузыны, которым написано, к примеру, прекрасное любовное стихотворение “Кшиштоф Й. на песке”. Но когда я задумываюсь, кого Пузына читал в Нью-Йорке (где делил комнату в общежитии с корейским студентом, о чем известно из статьи Котта), мне не приходит в голову никто из тамошней поэтической школы, у которой тогда все учились. Я вспоминаю другое — никому в Польше тогда еще не известную Элизабет Бишоп: ее “Пискалявая птица щёголь”, несомненно, вдохновила “культурный” комментарий к поведению выпивухи в стихотворении “Лешек З. присел на рюкзак возле Сейн”.

Достаточно прочесть “Описание фотографии” Пузыны, чтобы ощутить тот же аналитический взгляд, что у Бишоп — автора “Географической карты”. Анонимный снимок суда Линча в Додж-Сити разрастается у Пузыны в целый спектакль — тем самым доказывая, что его театроведческий опыт не пропал (в поэзии) даром. А это хорошо, потому что (как сам он констатировал еще в 1979 г.): “где критика скурвилась живопись ослепла / быть может только у стихов / есть шанс”. Что я могу добавить? Мне тоже так кажется.

АССИСТЕНТ СМЕРТИ

Дома. Моя внутренняя жизнь

Вернувшись в свой дом-комнату — у меня 23 квадратных метра, но с ванной и кухней, и мне нечего стыдиться, помните, что царит капитализм, ну а живу я один, — я не могу забыть того, что случилось на работе, хотя, как советуют женские журналы, домой проблемы приносить не следует. Семь часов утра. Будучи датским трудящимся, я знаю, что наша жизнь должна быть распланирована рационально, согласно знаменитому традиционному лозунгу датской социал-демократии начала XX века: “Восемь часов работы, восемь — свободного времени, и восемь — сна”, — которому лояльные граждане продолжают следовать, хотя социал-демократия полностью потеряла власть. Проверяю на листке бумаги, сколько часов я сегодня проработал вместе с дорогой и сколько у меня свободного времени... Извините, дорогие читатели, но оказывается, что я сейчас же должен лечь спать, чтобы вечером снова производительно и компетентно работать... Так что расстанемся, потому что я не могу спать, когда на меня glareют. Даже если при этом маскируются тихим перелистыванием книги, которую как раз читают. Короче говоря, спокойной ночи!

Но я как-то не могу заснуть по команде, притом среди бела дня. Конечно, я могу закрыть глаза, высыпать на левую ладонь все таблетки, что есть у меня дома, и проглотить их. Но засну ли я тогда в самом деле? А что будет, если я совершенно неожиданно встречу со смертью? Она придет во сне, когда я буду совсем один, в темной комнате, совершенно беззащитный. Сон и смерть — кто победит в этом решающем поединке? Почему, чёрт побери, нельзя без Нее жить? Я ж так сильно хочу опять быть беззаботным и искренне смеяться, как тогда, когда ничего о Ней не знал. Жить, как живут молодые актрисы и миллионеры (об этом я знаю из тех же журналов, разложенных в приемной зубного врача, а раз я это знание затем подтверждаю болью — значит, это правда), которые никогда не умирают. Почему я живу в ином, худшем мире, где так легко столкнуться с травмой, болезнью, дорожным происшествием, наконец, со... нет, не произнесу Ее имени. Выгребусь ли я когда-нибудь из этой битком набитой мертвецкой, чтобы выйти в люди, как хотела моя мать?

Продолжаю о Ней думать, не могу заснуть, слишком взвинчен. Я же не знаю, справлюсь ли с задачей, сумею ли быстро спровадить ближнего в могилу. Быть может, моя дорогая мать дала мне когда-то рецепт, как это сделать. Помню страшные события, которые мы пережили вместе, и ее решительность в тяжелые минуты. Когда мне было шесть лет, зубная врачиха решила вырвать мне зуб, а были это времена послевоенные, мужские-мужские, без каких бы то ни было безболезненных машин, хлещущих по зубам водой, и анестезирующих уколов. Чтобы я не сбежал, мать всю дорогу держала меня за руку. А шли мы посреди руин, состоявших из тел поваленных и до кости кирпичей обнаженных домов, из оконных рам, которые распахивались, прося у нас поддержки, и из одичалых рычащих собак. Разрушенные здания по-прежнему лежали по обе стороны широкой улицы (мы жили в Воле), хотя уже весь народ восстанавливал свою столицу, как мы пели вместе с исполнителями популярных песен, и хотя мы были счастливы, как никогда раньше... может, потому что перестали голодать... воевать? А может, потому что ни с чем не могли сравнить это чувство, ибо нельзя было вернуться в прошлое и следовало только рваться вперед, прорубать двери и окна в этом черном, как теплый польский уголь, счастливом будущем? У зубной врачихи я сел в дырявое кресло, а мать тихо стала у меня за спиной и внезапно обеими руками со страшной силой открыла мне рот, крича:

— Не вздумай меня укусить!

Врачиха в этот момент привязала мне ноги кожаным ремнем к креслу и взяла огромные щипцы. По сравнению с убийствами, которые мы совершили над собой во время войны, моя кровь была едва лишь пятнышком. Но предательство матери, ее переход на сторону врага подсказали мне, что война не окончена. Она лишь перенесена в нашу семью, а может, и в наши внутренности (где, впрочем, наверное поселилась тысячу лет назад), и только поджидает нового удобного случая. Может, я как мать, должен подойти к смерти? Схватить за горло и подчинить?

В моей небольшой комнате, на полке над дверью, стоит библия современного скептика — огромный, недавно изданный в Оксфорде “Атлас человеческого тела”, который раскрывает тайну каждого из нас. Настоящая Библия — в другом месте, не так высоко. Когда религиозный человек охотнее всего глядит вверх, а опускает глаза лишь для того, чтобы прочитать Ветхий и Новый Завет, Коран, или Тору, или другую священную книгу, я снимаю с высокой полки путеводитель по человеческому

телу. Ибо я обожаю смотреть насквозь, сверлить взглядом лживую поверхность кожи, докапываться до скрытой под ней правды. Верующие горячо убеждают нас, будто правда высоко — и так далеко от нас, что мы не можем ни увидеть ее, ни потрогать. Я им не верю. Открываю атлас человеческого тела. Там ведь, в середине, тоже есть трансцендентность. Верую, что страницы “Атласа” — как сохранившиеся архивы польской гзбухи: в конце концов они раскроют всё. Они так ловко склеены, что, когда открываешь книгу, творят человеческую фигуру в трех измерениях, не только с кожей, но и со всеми внутренностями: с темным, всё еще бьющимся сердцем, с выпуклыми глазными яблоками, из которых выбегают красные нитки нервов, с плечами, покрытыми венами, словно это голубые устья горных рек... Верую, что на этой нутряной правде я сумею построить свой дом.

Но узнаю ли я из “Атласа” что-нибудь о лежащем в богадельне поляке? Мы же ведь, люди на ходу, всегда не такие, как те, что лежат, что слегка уже окостенели. Я ни в малейшей степени не хочу здесь никого дискриминировать. Однако всегда останется разница между нами, какой бы малой она ни была. Хотя бы потому, что умирает Он, а не я.

Я как раз собирался приняться за чтение необычайных тайн нашего тела, как раззвонился телефон. А в нем голос Метте, которая навязчиво расспрашивала:

— Как прошла трудовая ночь (датское arbeidsnat)?

— Ясно, что ночь, потому что днем я сплю, — отвечаю я, давая ей понять, что она ведет себя неприлично: после окончания работы работодатель уже не имеет на меня никаких прав. Но она не обращает внимания и хочет разузнать все подробности:

— Справишься ли ты (потому что — и я хорошо это знаю — в противном случае ее должность окажется под угрозой)? Не сломишься, не сдашься?

После чего одним духом напоминает, что датское государство и его система основаны на максимальной экономии вкладываемых затрат. Метте верит, что в конце концов я захочу приблизиться к психологии типичного, производительно трудящегося датчанина и быстро выполню возложенные на меня обязанности. Я отвечаю коротко, деловито, по-датски:

— Опасаюсь, что Умиравший чувствует себя совсем неплохо... нет, он не в критическом состоянии...

— Ты читал ему по-польски?

— Да.

— Много?

— Не щадил себя, — говорю я так, чтобы она услышала в моем голосе холодную обиду профессионала.

— Он почувствовал себя плохо? — спрашивает она с надеждой.

— Может, раскашлялся?

— Нет, его состояние остается без изменений.

— Так читай ему побольше Киркегора, по-польски, а прежде всего “Блезнь к смерти”, — говорит она внушительно. — Эта книга в самом деле действует. Меня она попросту с ног свалила. Сразу. После нескольких страниц. Ты меня понимаешь? Я совершенно отъехала, сразу после этого впала в тяжелый сон. Проснулась сильно простуженная, подозревали даже воспаление легких. Понимаешь, что значит воспаление легких в его возрасте?

— Я прекрасно понимаю по-датски, — говорю я оскорбленно.

— Ну так запомни, — говорит она внушительно, — читай ему Киркегора! Рассматривай это как служебное поручение!

— Ты настолько не любишь Киркегора? — спрашиваю я, отнюдь не уверенный, подействует ли поэтический, не слишком верный перевод Ивашкевича на традиционно закаленный, привычный к труду и восстаниям польский организм.

— Тут речь идет о психологической мотивировке, — отвечает Метте холодным, официальным тоном, — о том, чтобы повернуть его мысли в определенном направлении. Помни, что в течение месяца ты должен достичь результата, которого мы от тебя ожидаем. Если бы любой иностранец месяцами разлеживался в датской больнице и не умирал, это привело бы нашу систему опеки к упадку, а нас — к банкротству. Тогда датчане начнут умирать быстрее, чем иностранцы, а мы ведь у себя дома, правда?

Она кладет трубку, даже не сказав “До свиданья”. Я осторожно стаскиваю тяжелый и точный “Атлас человеческого тела” со стола и ложусь с ним в постель. Сколько здесь людей, даже запомнить трудно, а может, это один-единственный человек, такой мощный, что придавливает меня своим (а может, тогда и моим?) весом, не дает уснуть... я все медленней

переворачиваю страницы, лениво рассматриваю сердце, и печень, и крепкие нервы большого пальца правой ноги...

Наконец засыпаю. Снится мне, что я лежу в постели вместе с Умиравшим, а над нами склоняются пять миллионов датчан, выглядящих как Метте, и все до единого умещаются в моей комнате. Они глядят, что я делаю, чтобы поправить меня, поучить и информировать. Никто из них, из этого множества пяти миллионов людей, ни на шаг не отступит, чтобы освободить мне место и сказать: “О, пожалуйста, сюда, здесь ты можешь стать вместе с нами, хоть ты еще и не совсем человек”. Они глядят на меня испытующе и подмигивают друг другу: “Что за варварский обычай — умирать так откровенно, да еще в чужой стране! Что за неприличие занимать столько не своего места! Что за отсутствие стыда или, по крайней мере, обычного такта! Ну да, он ведь тоже живет так странно, так не по-датски, так чего другого он мог ожидать?” А кто-то другой отвечает: “Его смерть такая странная, такая нам чуждая!”

— Ничего я в ней не могу понять! — восклицает тогда какой-то ревностный сторонник собственного народа и заслоняет себе глаза датским флагом с христианским крестом, на что кто-то другой, совершенно заслоненный толпой, отвечает: — Это неправда, он же эксплуатирует труд нашей датской Смерти, а вдобавок ничего за это не платит!

Я чихаю, шевелюсь на кровати, и внезапно все датчане удирают, так они боятся, что их затронет чужая болезнь, что я заражу их своим знанием смерти. Во время быстрого бегства они молчат. Даже друг с другом боятся о ней разговаривать.

Мы остаемся одни, Умиравший и я, все еще живой, а может, тоже умирающий, раз и я нахожусь за рамками датского сообщества? Что также значит — за рамками жизни. На обочине датских, человеческих дел и радостей.

“Politiken”

Не знаю, почему я всё чаще спрашиваю Его о разных вещах. Почему советуюсь, прежде чем что-то сделать, например, спрашиваю, что сказать заведующей о его состоянии здоровья? И даже больше того. Задаю вопросы за Него. Ибо я уверен, что если бы он мог, то об этом и спрашивал бы:

— Как я прикоснулся к тайне новой страны? Как ошпарился при этом прикосновении? Под конец семидесятых я начал, как ты уже знаешь, работать в копенгагенском славяноведении. События в Польше появились неожиданно, так их, по крайней

мере, приняли в стране, где Польша никогда не играла важной роли. Нильс Барфед, редактор “Политикен”, заведующий весьма ценным отделом “хроник”, т.е. статей, комментирующих актуальные события, обратился ко мне с предложением написать о феномене “Солидарности”, который так удивлял и раздражал датскую интеллигенцию.

“Политикен” тогда была самой серьезной газетой в Дании. Созданная братом знаменитого Георга Брандеса, она стала под конец XX века столпом левой, социалистической мысли, и все ее считали органом копенгагенской “культур-радикальной” интеллигенции, заинтересованной рациональностью и просвещением, атеизмом и открытой дискуссией на все запретные темы: о правах женщин, о сексуальности, о демократии, о положении рабочих... Эта идеология боролась с религией и одновременно — вслед за Георгом Брандесом — признавала за образованными людьми особую роль в обществе. Культур-радикалов многократно обвиняли в том, что они ведут себя, как железобетонные, наивные пацифисты, — а было это в тот период, когда Советский Союз вовсю вооружался, выступая против войны и расходов на вооружения. К коммунизму это движение питало немало симпатий; в этой теории — глядя, заметим, не из капкана “стран народной демократии”, а из-за богатой границы, водя очами слепцов по небу разукрашенных идей, — они усматривали рационалистическую, антицерковную, модернистическую идеологию, отменяющую всякое социальное угнетение, в том числе и угнетение женщин. Отдавали ли себе датчане отчет в том, как они приукрашали коммунистические реалии? Как недобросовестно их толковали, чтобы приспособить для собственных целей, “для внутреннего употребления”?

И как раз в 70-е годы всё начало портиться. Всё чаще против культур-радикалов выдвигали обвинения в том, что они защищают коммунизм тирании, ГУЛАГа и пыток. Вначале они объясняли, что хотели-то хорошего, схожим образом выкручивались их социалистические и коммунистические коллеги в Германии, Италии, Великобритании. Как всякая провинциальная страна, гипнотически уставившаяся в свои собственные заботы, они пренебрежительно пропустили огоньки тревоги, зажженные французскими “новыми философами”, которых потрясло чтение Солженицына. Да какое там Солженицын! Ударом по культур-радикалам стала только “Солидарность”. С одной стороны, это был несомненно рабочий протест, но с другой (с той нехорошей) — он был направлен против левых эксплуататоров! И боролся с коммунистическим государством! С одной стороны, это было

движение рабочих масс, но с другой, темной, — было видно, что они идут плечом к плечу с Церковью, а во главе маршируют священники с кропильницами!

“Солидарность” стала тем еще вызовом мировоззрению культур-радикалов. Такое до сих пор логическое, плотное и замкнутое — и привлекающее столько сторонников как единственная просвещенческая, модернистическая идеология датской интеллигенции, — оно внезапно оказалось неспособным объяснить огромное общественное движение в Польше. Не возбуждавший до сих пор никаких сомнений интеллектуальный инструмент миропознания был неожиданно лишен позолоты, оказался внутренне противоречивым, неспособным дать ответ на вопрос: где сегодня идеи Маркса? Развитие событий в Польше одним повелевало полностью отбросить культур-радикализм, других, более осторожных, побуждало выбирать лишь некоторые элементы этой идеологии — а другие отбрасывать. Но какие? Кого им считать своими: рабочих, воюющих с коммунизмом, или коммунистических бонз, посылающих против рабочих полицию? Выбрать Церковь, поддерживающую народ, или, в согласии с традиционной антирелигиозностью копенгагенской интеллигенции, критиковать духовенство?

Нильс Барфед, уже тогда всеми почитаемый идеолог культур-радикализма, одним из первых (разумеется, в Дании!) увидел глубокие трещины на идеологическом корпусе своей веры. Он читал не только немецкую и английскую периодику, но и французскую, что в Дании довольно редко. Неуверенный в силе социализма, он в один прекрасный день решил пересадить в Копенгаген некоторые аргументы “новых философов”.

Когда печать во всем мире начала писать о Польше, Барфед позвонил в Институт славяноведения и предложил его сотрудникам написать статью о странной, бурлящей стране, которая совершенно не желала коммунизма. Никто кроме меня не хотел конфликтовать с коммунистическими властями. Преподавателей русского языка и литературы приглашали на приемы в советское посольство, на проходившие там лекции и концерты. Летом они ездили за советские деньги на курсы-каникулы в Москву, Ленинград, в Крым. То же самое происходило и с другими посольствами коммунистических стран и преподавателями польского, чешского, сербско-хорватского... Я же, безжалостно выброшенный из Польши, лишенный возможности вернуться, взялся за эту задачу и вскоре написал первую датскую статью о зарождающемся

диссидентском движении и о подземных журналах. Сотрудники института вздохнули с облегчением.

Уровень гуманитарной мысли в Дании был (и остается) довольно низким. Нильс Барфед вернулся к своим хлопотам с коммунизмом в статье, написанной в 2004 году, но даже тогда он не сумел ответить себе на вопрос, почему, встречаясь в 70-е годы с беженцами от коммунизма, считал их предателями (наверно, и ко мне он так относился, хотя никогда мне этого открыто не сказал).

В 1975 году в Копенгаген приехал Андрей Синявский, тоже эмигрант и последовательный критик коммунизма. Как датский ПЕН-клуб, так и Союз писателей, оба — могучие бастионы культур-радикализма, отказались с ним встретиться: он же был отъявленным “врагом трудового народа”. В конце концов его пригласили в редакцию “Политикен”. В ходе встречи редакторы газеты сочли русского писателя обычным провокатором. Потому что, как написал Барфед много лет спустя, “даже если Синявский не вешал нам лапшу на уши, то наверняка сильно преувеличивал. Что-то тут не сходилось. Томас Бредсдорф (другой влиятельный датский культур-радикал, университетский профессор и журналист) задавал ему коварные вопросы, а мы считали, что в ответах находим противоречия, и обменивались друг с другом понимающими взглядами... Еще и сегодня я этому удивляюсь. Откуда вытекала наша подозрительность? Откуда вообще появилась вся эта подозрительность? И наоборот — откуда наше доверие, позволявшее считать, что дела в коммунистических странах идут не так уж плохо? Короче говоря: то, что говорил Синявский, не могло быть правдой, во всяком случае не такой правдивой правдой, как он это изображал. Нет, это не могло быть правдой. Почему я не мог тогда поверить словам Синявского — моего коллеги по перу? Почему его слова выглядели ложью, а не правдой? Думаю, что наша жалкая подозрительность вытекала из того, что столько социально ангажированных людей в Америке и Европе навсегда отвергли антикоммунизм тридцатых и позднейших годов, чтобы оставить его в руках „патентовладельцев из хороших семей”, то есть реакции. Мы же хотели отдаться благородной задаче выметания сора из собственного дома — то есть разоблачения нищеты Запада” (“Уикэнд-авизен”, 2004, №4).

Здесь мы видим, как ловко защищается Барфед от собственных упреков в тогдашней наивности: “Если даже я сделал ошибку, то виноваты другие — в данном случае те, кто издавна был „социально ангажированным” в Америке и Европе””. Говорит

он тут о европейских и американских сторонниках коммунизма. А ведь, как пишет датчанин в другом месте той же статьи, признать в 1975 году Синявского провокатором было результатом истинно европейского логического рассуждения, традиционного искусства постановки “коварных вопросов” и обмена “понимающими взглядами”, которые в то же время — посмотрите, как хорошо устроен мир, — прекрасно сходились с позициями американских и европейских левых. Ну, сегодня бы он этого заведомо не сделал. Сегодня он уж вовсе не поддерживает коммунизм... — не потому ли, что его давно уже не поддерживают эти “социально ангажированные люди в Америке и Европе”?

Можно ли было в 70–80 е годы сказать датскому интеллектуалу, что он не мыслит самостоятельно, не шевелит своими мозгами и повторяет чужие слова — за “социально ангажированными людьми” Америки и Европы? Ни в коем случае. Это было невозможно. Он бы сам в это никогда не поверил. А сегодня? Сегодня с полной уверенностью этого сказать нельзя...

Перевод Натальи Горбаневской

ИНОЙ. МЕЖДУ

Бронислав Свидерский (1946 г.р.) дебютировал как прозаик довольно поздно, только в 1981 г., романом “Автобиография”, изданным в эмиграции. Эмигрировал он после 1968 г. и работал в Копенгагенском университете, где стал выдающимся знатоком и переводчиком сочинений Сёрена Киркегора. В 1998 г. вышла его следующая книга — “Слова чужого”, высоко оцененная критикой и выдвинутая на главную польскую литературную премию “Нике”. Это произведение — притча о попытках понять Другого и преодолеть страх перед чуждостью, а вместе с тем проницательный труд о современном западном обществе.

Последняя его книга, “Ассистент смерти” (2007), снабжена подзаголовком “Роман о карикатурах на Магомета, о любви и ненависти в Европе”. Герой и рассказчик романа (Свидерский здесь стремится преодолеть или поставить под сомнение различие между рассказчиком и автором) — живущий в Дании свыше тридцати лет эмигрант, поляк; лишившись работы, он через биржу труда находит довольно странное занятие: ему поручено опекать умирающего, не контактирующего с внешним миром человека, которого по каким-то невыясненным причинам считают его соотечественником. Труд, собственно говоря, несложный: основное занятие героя — читать польские тексты и рассказывать свою жизнь в надежде, что его голос вызовет у Умирающего отклик. Причем, кто такой рассказчик, ему и самому неясно: “...я не поляк (тут, соотечественники, напоминаю вам еще раз, потому что вы о об этом как-то легко забываете, — вы меня вышвырнули с родины в 1970 году, не вернули гражданства и продолжаете выглядеть довольными собой и этим поступком), я не мусульманин и даже не датчанин, но — что еще хуже — я чужой и самому себе, хотя на первый взгляд это незаметно”. Прямо хочется вернуться к дискуссии об отчуждении, которая шла в Польше в 60 е годы.

Итак, рассказчик рассказывает историю своей жизни — не только тому человеку, которого отдали под его опеку, но и нам, читателям романа. Все мы, выходит, чужие, все мы Умирающие — констатация, можно сказать, банальная, но заслуживающая неустанных напоминаний, хотя бы для того, чтобы извлечь смысл собственной жизни, записанный в старой

латинской формулировке *memento mori*. Только так очерченные обстоятельства восприятия позволяют понять отстраненность, с которой здесь рассказывается как о вещах окончательных, так и о вопросах, входящих в самое жгучее “здесь и теперь”. Эта точка зрения и позволяет свободно соединять разнообразные дискурсы — художественной прозы и публицистики, дневника и эссе. Здесь немало текущих дел — хотя бы скандал, связанный с появлением в датской печати карикатур на Магомета, — и даже злободневной публицистической полемики. Можно найти социологически-политологический анализ Запада и сведение счетов с коммунистическим прошлым. Причем заявленная ни-к-чему-непринадлежность героя — как и его молчащего партнера, Умирающего, — становится источником напряженности, позволяющей преобразить чтение в своего рода активное участие в окружающем мире.

Чего же еще желать? Если помнить, что роман, как того хотел Виткаций, — жанр художественно “нечистый”, то как раз это произведение, кажется, выполняет одно из важных, хотя и не для всех обязательных требований, которые мы ставим искусству: свидетельствовать истину о мире. Причем истина, к которой мы здесь приближаемся, к оптимистическим не принадлежит. То, что мы неспособны устоять перед вызовом, который нам бросает смерть, важно, но не в первую очередь. То, что “закрикивать смерть” — дело художественно рискованное, тоже очевидно. Зато тот факт, что мы не знаем, кто мы, и не умеем с этим смириться, и что именно в этом лежит причина наших страхов, — вот что выглядит опасным и, пожалуй, зловещим для будущего.

Наталья Горбаневская

PRAWDA OCZY KOLE*

Кто расскажет, кто поверит

В горы трупов по утрам...

Велимир Хлебников, 1921

Чем эти “горы трупов” отличаются от тех, что были зарыты близ каждой советской областной тюрьмы? Лишь тем, что они были раскрыты и предъявлены миру в 1943 году, а потому на десятки лет стали предметом не глухого молчания, а глухой лжи. О лжи прежде всего – этот фильм. И о памяти.

Жены, мать, сестра – ждут (но не дождутся) своих живых, помнят своих погибших. В этих нескольких женщинах как бы сосредоточилась вся национальная память поляков о злодеянии. Глазами одной из них, жены расстрелянного в Катыни генерала, мы дважды видим “горы трупов”. Сначала немецкую хронику, которую ей показывают немцы, желая, чтобы она выступила по радио, – выступить отказалась. Потом на площади освобожденного Кракова, в толпе, она смотрит советскую хронику, которая должна заставить поляков поверить, что это было преступление гитлеровцев, – поверить отказалась. И только в финале Вайда показывает нам расстрел и катынские рвы средствами художественного кино. И вот тут, как нигде на протяжении фильма, думаешь о наших погибших – замученных на следствии, померших в лагерях от голода и болезней, загазованных, как тамбовские крестьянские повстанцы (и об этом успел написать Хлебников), наконец, расстрелянных. Захороненных повсюду, в том числе и в этом же Катынском лесу, еще до поляков. И не забудем, что массовые расстрелы начались не в 37-м и не в 37-м кончились, тогда они лишь достигли своего пика.

В прошлом году я впервые побывала в Медном, где на одном мемориальном кладбище лежат шесть с лишним тысяч поляков из лагеря в Осташкове, расстрелянных в подвалах Калининской областной тюрьмы весной 1940-го, и около пяти тысяч советских граждан (необязательно русских – там, например, много карелов: в Тверской губернии издавна были карельские деревни), расстрелянных там же в 1937–1938-м. Молодая сотрудница музея рассказала нам, как расстреливали советских граждан, в частности упомянула, что стреляли (в

затылок – это теперь каждому известно) из немецких пистолетов “Вальтер”. – Из “Вальтеров”? В тридцать седьмом? – удивилась я, помня, что вальтеровские пули в черепах катынских убиенных по сей день служат некоторым, чтобы доказывать, что осуществление катынского убийства руками НКВД – “геббельсовская пропаганда”. – Да, – ответила девушка, – расстреливали по двести человек в ночь, и советское оружие не выдерживало.

Оружие – не выдерживало. Как же нам, живым, всё это выдержать? Как было это выдержать – не говорю даже: польским офицерам на краю катынских рвов, в подвалах Калинина и Харькова, – но тем, кто их ждал, кто оставался верен им и их памяти?

Не всякий выдерживал.

Две сестры Поручика-Пилота, Агнешка (Магдалена Телецкая), вернувшаяся в Краков после участия в Варшавском восстании, и Ирена (Агнешка Глинская), директор школы в “новой Польше”. Антигона и Исмена. Антигона похоронить Ореста не может, но решает поставить ему надгробную (без гроба) плиту с надписью: “...погиб в Катыни в 1940”. Ее сестра хочет спасти в текущей жизни то, что можно, твердо уверенная, что “свободной Польши никогда не будет”. Польские гэбэшники (“убэки”) арестуют Агнешку прямо на кладбище. Плита разбита – трещина не дает увидеть ни место гибели, ни дату.

Дата – вот что больше всего пугало и разъяряло коммунистические власти той, несвободной Польши. Они бы и согласились на один-другой памятник “жертвам немецко-фашистских оккупантов” и с датой “1941” – такой долго стоял в Катынском лесу. Когда памятники (камни или кресты) с правильной датой появлялись на польских кладбищах (один был даже поставлен открыто – в период легальной “Солидарности”), их под покровом ночи разбивали или увозили.

Жена Профессора (Майя Коморовская) получает из немецкого концлагеря урну с прахом мужа (по сравнению с нашими, гуманисты. Правда, тут и вспоминаешь: “...мы попали в лапы гуманистов”. Что тот “гуманизм”, что этот), но продолжает надеяться, что сын Анджей жив: невозможно же потерять обоих. Его нет в оглашенных немцами списках. Но вот возвращается – с востока, с марионеточной польской армией, – его друг, Ежи, тот, что в списках был: он отдал Анджею связанный ему матерью свитер с его именем – так оно попало в

списки. Оказывается, можно потерять и мужа, и сына. Одного забрало гестапо, другого расстреляло НКВД.

Страшный, очевидный, но многих до сих пор смущающий параллелизм двух тоталитарных режимов появляется в картине с первой сцены – на мосту. 17 октября 1939. Толпа беженцев движется на восток. И внезапно оголтелый крик: “Возвращайтесь!” – с той стороны тоже начинают притекать беженцы, спасающиеся от восточного союзника Третьего Рейха. Немецкие офицеры дружески беседуют с красноармейскими командирами, наблюдают за погрузкой пленных, которых повезут на восток. Да и пропаганда – коммунистическая и национал-социалистическая – весьма похожа, даже если в случае Катыни “геббельсовская пропаганда” в своих целях использовала несомненную трагическую правду.

С Анджеем Вайдой и друзьями из “Мемориала” мы долго говорили о том, как “Катынь” будет воспринята в России. Нечего и говорить, что все мы жаждем, чтобы выход фильма на российские экраны состоялся. Но Арсений Рогинский, например, считает, что ряд моментов российскому зрителю не будет понятен: та же урна с прахом, та же дружеская беседа немецких и советских офицеров (неужели в России никто не видел фотографий совместного немецко-советского парада после окончательного разгрома Польши двумя союзниками? А это посильнее частной беседы), или почему никто не радуется, когда Ежи возвращается живой, хоть и в мундире коммунистической армии, и никто ему не доверяет. Я пересказала этот разговор Адаму Поморскому – он возразил: “Русские любознательны, они до всего доищутся”. В самом деле, в эпоху все еще действующего Гутенберга и не устающего действовать послегутенберговского Интернета правду обнаружить нетрудно – надо только захотеть.

Позволю себе закончить стишком, который я написала, вернувшись из Варшавы в Париж.

*

Анджею Вайде

Божьи мельницы мельют медленно,

а все-таки смеют.

Всё, что было в муки смелено,

всё посмеют

*перемесить в это тесто памяти,
которое всходит
над горизонтом, и наши пажити
правду уродят.*

Збигнев Херберт

ПУГОВИЦЫ

Памяти
капитан
а
Эдварда
Херберт
а

Лишь пуговицы уцелели

и вот выходят на
поверхность

свидетелями
преступленья

которое не опровергнуть

число тех жертв Ты
знаешь Боже

и смилуешься Ты над
ними

но как их плоть
воскреснуть может

коль стала глиной в
липкой глине

то облако летит то птица

вновь из земли побег
полез

и в вышних тихо тихо
тихо

и мглой дымит
смоленский лес

лишь пуговицы уцелели

голос умолкших что
истлели

лишь пуговицы уцелели
от их мундиров и
шинелей.

Перевод
Владимира
Британишского

Анджей Вайда: Это стихотворение Херберта — по сей день единственное в польской литературе произведение на катынскую тему, которое затрагивает мое воображение. Как мог бы выглядеть кинофильм о Катыни? Трагедия польских офицеров до сих пор не отразилась ни в романе, ни в кино по многим причинам. Пятьдесят лет на страже лжи по катынскому делу стояла “Народная Польша”, но полтора десятка лет свободы давали шанс снять кино, литературные произведения могли бы и раньше возникнуть в эмиграции, куда не дотягивалась рука советской цензуры. И всё-таки...

Тайна, я думаю, кроется не в самой теме, а в подходе к ней. Смерть офицеров была делом решенным уже тогда, когда войска НКВД взяли их в плен после 17 сентября 1939 года. Если решено было уничтожить всех военнопленных, то их поведение в лагере не имело никакого значения. Мучительные допросы офицеров служили скорее тому, чтобы дать занятие персоналу НКВД, нежели какой бы то ни было селекции на непреклонных и готовых к сотрудничеству. В конце концов всем досталась одна и та же судьба. Таким образом, ускользает важный драматический момент — участие жертвы. Да и противоположная сторона, офицеры и солдаты НКВД, не проявляют никаких человеческих рефлексов. Делают свое дело, и на этом кончается их роль. Может, поэтому до сих пор у нас есть только плач Кшиштофа Пендерецкого и стихотворение Херберта — два произведения, достойные этой темы.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Несколько культурных событий минувшего насыщенного политикой лета заслуживают того, чтобы о них напомнить.

• По случаю исполняющегося в этом году столетия со дня смерти Станислава Выспянского варшавский Национальный музей организовал выставку, посвященную этому выдающемуся художнику и драматургу периода “Молодой Польши”. На выставке “Как метеор... Станислав Выспянский, 1869–1907” представлены все произведения художника, находящиеся в собрании музея. Начиная с 20-х годов XX века было приобретено около двухсот работ Выспянского: шесть холстов, более 50 пастелей (в частности, знаменитые “Хохлы”, “Материнство” и прекрасный “Синий автопортрет”), акварели, рисунки, графические работы. Кроме того, на выставке представлены рукописи, письма, проекты витражей и фресок, а также проекты мебели для квартиры Тадеуша Бой-Желенского. Выставка сопровождается показом работ Анджея Вайды и его жены, замечательного сценографа Кристины Захватович: костюмов, реквизита, фотопанно, театральных и киноафиш, связанных со спектаклями и фильмами режиссера по пьесам Выспянского “Ноябрьская ночь” и “Свадьба”. “В связи с этой выставкой меня часто спрашивают о „Свадьбе”, — сказал Вайда в интервью Польскому агентству печати. — Так вот, несколько дней назад я разговаривал с профессором Марией Янион на ту же тему. Мы размышляли, не пришло ли время вновь обратиться к этой нашей великой национальной драме. Ведь первая реплика пьесы, которую произносит Чепец, звучит: „Что там, сударь мой, в политике?” Так что, может, действительно пора... Но нет. Пока я об этом не думаю”.

• О размахе и накале польских предвыборных дискуссий свидетельствует тот факт, что в них принимают участие деятели искусства самого высокого уровня. Более того, под их пером политические споры приобретают гораздо большую выразительность, ясность и убедительность, чем в устах политиков — особенно посредственных, но, тем не менее, охотно вещающих в СМИ.

• Недавний лауреат премии им. Станиславского на Московском международном кинофестивале Даниэль Ольбрыхский дал “Тыгоднику повсехному” интервью, озаглавленное “О нашествии насекомых” с подзаголовком “Шекспир и Четвертая

Речь Посполитая”. Известный своим пылким темпераментом, выдающийся актер склоняет голову перед величием Шекспира и гениальным анализом общества, заключенным в его драмах, после чего с горечью замечает: “Грустно быть гражданином страны, где лидерами становятся Розенкранц и Гильденстерн, а не великие, хотя порой и допускающие ошибки государственные мужи”. Ольбрыхский разносит в пух и прах политиков “Права и справедливости”, вступивших в идеологический союз с о. Рыдзыком, Леппером и Гертыхом. Но, пожалуй, самые резкие слова он приберегает для люстраторов: “Мне даже ГБ не нанесла такого морального ущерба, как то, что сейчас делает Институт национальной памяти — абсолютно инструментальное политическое учреждение, используемое нынешней властью, способное продаться любой силе, лишь бы остаться у руля. Ни один польский Сейм не произвел чего-либо столь же позорного, как закон о люстрации, который направлен против народа и дает возможность оплевывать все авторитеты”. А что же за насекомые имеются в виду в заголовке? “Трудно разговаривать, когда нужно все время отмахиваться и чесаться”. Поляков обсела измельчавшая политика.

• Совершенно противоположного мнения о правящих польских политиках придерживается Ярослав Марек Рымкевич. Автор прекрасных сборников стихов и эссе, историк литературы, профессор Польской Академии наук превозносит их до небес. В интервью газете “Жечпосполита”, озаглавленном “Ярослав Качинский укусил зубра”, он не скрывает своего восхищения премьер-министром, которого охотно сравнивает с Юзефом Пилсудским. “Всё, что делает Ярослав Качинский, хорошо для Польши, — утверждает Рымкевич, — Подчеркиваю: всё. Включая его ошибки, промахи, его неудачи и неудавшиеся начинания. Много у него не получается. Он часто ошибается в людях, а потом ему приходится публично отрешиваться от тех, кто обманул его доверие. Вероятно (об этом я только догадываюсь), он ошибается и во многом другом. Но это не имеет никакого значения. Все, что делал Маршал, тоже было хорошо для Польши, хотя некоторые его решения были просто пагубны, были даже такие, которые с нашей сегодняшней точки зрения можно назвать недопустимыми”. Далее поэт сравнивает Польшу с зубром, спящим под деревом в Беловежской пуще. “Так вот, — говорит Рымкевич, — этот большой беловежский зубр спал себе сладким сном (а может, спал, мучимый кошмарами) где-то на поляне в глубине пущи, и сон его, подобный смерти, мог бы продолжаться еще много лет, если бы Ярослав Качинский внезапно не укусил его за задницу. Зубр, укушенный паном премьером, поднял голову,

встряхнул рогами, зарычал и понесся. Куда — никто не знает. Но он мчится галопом, несется к своей неизвестной дикой цели. Польша двинулась с места, ее сдвинули, и она начала меняться и будет меняться дальше. Это уже не сон под липой, это уже не подобный смерти сон военного положения, это уже не забытые 90-е. Именно поэтому всё, что сделал и делает Ярослав Качинский, — хорошо. Он укусил зубра за задницу и благодаря этому войдет в историю”. Что касается употребления известного слова, то его любил Пилсудский — любит и Рымкевич. Но хочется сказать пару слов по поводу зубра. Двадцать с лишним лет назад Ярослав Марек Рымкевич выпустил в самиздате замечательную, полную иронии, нежности и литовских чар повесть “Польские беседы летом 1983 года”, где упомянул о своем якобы литовском происхождении (что в Польше порой значит больше, чем шляхетство). За это Тадеуш Конвицкий, стопроцентный виленчанин из пригородной Колонии-Виленской, правда, уже несколько десятилетий живущий в Варшаве, низко ему поклонился. В своей книге “Новый Свет и окрестности” Конвицкий написал: “Я не знаю, как оно там на самом деле. Не буду исследовать гены, расспрашивать тетюшек, проверять метрики. Он литво-поляк и поляко-лиловец благодаря своему звучному голосу, темпераменту, фантазии. Из его тонкого, ученого, профессорского горла вырвался бас, как из старого зубра, заиграли мускулы на бычьей шее, и внезапно исторглись сера и пламя из черных ноздрей”. Вот вам и пожалуйста. Рымкевич — зубр, и Польша — зубр, вдобавок укушенный премьером. Зубр — большой зверь. И не такое выдержит.

• Ярослав Марек Рымкевич стал лауреатом литературной премии “Нике” в 2003 году — тогда книгой, принесшей ему успех, стал сборник стихов “Заход солнца в Милянубеке”. В этом году в финал вышло семь книг (в т.ч. три романа): “Изъян” Магдалены Тулли, “Трактат о лущении фасоли” Веслава Мысливского, “Мое первое самоубийство” Ежи Пильха, репортаж “Готтленд” Мариуша Щигела, томики стихов — “Музыка сердцевины” Мартина Светлицкого и “Колонии” Томаша Ружицкого, а также сборник эссе Марии Янион “Поразительная славянщина”. Имя победителя 11-го финала мы узнаем в начале октября на церемонии вручения премии в библиотеке Варшавского университета. Однако у меня есть свой фаворит: Мариуш Щигел. ПНР пользовалась в социалистическом лагере славой самого веселого барака. О том, как обстояли дела в братской Чехословакии, рассказывает сборник замечательных репортажей Щигела. В 50-е годы в полночь по радио исполняли гимн СССР, а над Прагой возвышался гигантский памятник Сталину. Интеллигентов

мстительно посылали на земляные работы (если не в урановые рудники), учащались случаи самоубийства и приступы безумия. Выжить — значило приспособиться. После 1968 го Карел Готт и Хелена Вондрачкова блистали на эстрадах и делали международную карьеру, а Марту Кубишову, легенду Пражской весны, заставили замолкнуть. У нас об абсурде жизни при социализме говорили: “как у Мрожека”. У чехов на это случай есть слово “kafkárna”, отсылающее к мрачным романам Франца Кафки. Вроде похоже, но не совсем. Щигел отлично подметил разницу.

• Социолог из Лодзинского университета Анджей Ростоцкий известен тем, что составляет список бестселлеров, который считается самым надежным и достоверным в польской прессе (уже многие годы он публикует его на страницах “Жечпосполитой”). Список печатается каждый месяц, но в сентябре Ростоцкий всегда представляет самые покупаемые книги первого полугодия. Что же мы видим на этот раз? В категории польской литературы лидирует известная сочинительница детективов Иоанна Хмелевская со своей “Зажигалкой” (продано 56 тыс. экземпляров). В категории иностранной литературы, к моему удивлению, с пьедестала был свергнут бесспорный фаворит Пауло Коэльо со своей “Ведьмой с Портобелло”. Последнюю книгу бразильца на голову разгромил Патрик Зюскинд — переизданный “Парфюмер” разошелся тиражом в 113 тыс. экземпляров. Немалую роль здесь сыграла экранизация этого жуткого, но литературно изысканного романа. Однако главным событием полугодия стал фантастический успех книги кардинала Станислава Дзивиша “Свидетельство”. В течение нескольких первых недель разошлось около полумиллиона книг, а в итоге было продано 800 тысяч экземпляров. “Это один из рекордов свободного польского книжного рынка, — комментирует событие Анджей Ростоцкий. — В „Свидетельстве” кардинал Дзивиш описывает годы, которые он провел бок о бок с Иоанном Павлом II, и это несомненно объясняет такой огромный успех. К счастью, поляки умеют помнить великих людей”. Второе место в категории документальной литературы заняла книга о Тадеуша Исаковича-Залеского “Священники и госбезопасность на примере Краковской архиепархии”, коснувшаяся болезненной и деликатной темы поведения духовенства в условиях слежки со стороны госбезопасности. К моменту публикации списка было продано более 163 тыс. экземпляров книги. Вопрос люстрации священнослужителей вызывает огромные эмоции как в лоне Церкви, так и среди неверующих. На своем сайте издательство “Знак” поместило отзыв одной из читательниц о работе о. Исаковича-Залеского:

“Каждый раз он ищет оправдания грешнику и даже в отвратительном подлеце старается разглядеть хоть тень добра. Мы не найдем здесь сурового осуждения. Просто невероятно, как эта книга учит нас смирению! Это урок правды и в то же время урок милосердия”.

• “Очередной Шекспировский фестиваль прошел достойно, без экстравагантностей, — написал в августе “Дзенник Балтицкий”. — Заграничных спектаклей было существенно меньше, зато это были спектакли высшей пробы”. Зрители смогли увидеть представления театров из Германии, Англии, США, Грузии, России и Польши. Состоялся и своеобразный поединок: “Короля Лира” в Тригород (Гданьск, Гдыня, Сопот) привезли одновременно петербуржец Лев Додин со своим Малым драматическим театром и миланец Роберто Чулли с “Театром ан дер Рур”. “Кто победил? По-моему, Додин, которого интересуют не механизмы власти или политики, но сам человек, — написала в “Дзеннике Балтицком” Гражина Антоневиц. — Мы увидели спектакль огромной пластической красоты, обращающийся к фантазии зрителя. Полный вдохновения, эмоций, берущий за живое”. Те, кто не был в Гданьске и не видел спектакля, могли задуматься над словами режиссера из интервью, данного “Газете выборчей”: “Я верю, что сегодня задача театра, а может, и всей культуры — сделать так, чтобы человек снова заглянул к себе в душу, напомнить, что именно человек — причина и источник всех несчастий, какие только есть на свете, в т.ч. и тех, которые валятся на него самого. Это была большая проблема XX века, и постепенно становится ясно, что в XXI веке она тоже сохранится. Потому что из новейшей истории мы не извлекли никакого урока”.

• Этим летом от нас ушли гиганты: Бергман, Антониони, Паваротти... Поляки прощались с выдающимся танцором и хореографом Конрадом Джевецким. Он умер в Познани через два дня после своего 81 го дня рождения. Его называли “восточный Морис Бежар” и “Войцех Богуславский в театре танца”, при этом подчеркивая, что он был не только великим хореографом, но и твердо ступающим по земле организатором: в 1973 г. он основал в Познани Польский театр танца, которым руководил на протяжении 15 лет. Он был первым польским хореографом, получившим мировое признание. В 1956 г. он завоевал премию на международном конкурсе в итальянском городе Верчелли. После этого он уехал в Париж, где познакомился с самыми передовыми техниками того времени (танцем модерн, техникой Марты Грэхем, Мерса Канингема, джазом), а затем вновь вернулся в Польшу, чтобы распропагандировать их, хотя в начале 60 х эти современные

идеи раздражали польскую танцевальную среду. Джевецкий прославился как создатель многих нашумевших спектаклей: “Эпитафия Дон Жуану”, “Чудесный мандарин”, “Павана на смерть инфанты”, “Адажио для струнных и органа”, “Вечные песни”, “Кшесаны”, “Stabat Mater”. Президент Лех Качинский посмертно наградил Конрада Джевецкого командорским крестом ордена Возрождения Польши. На похороны артиста пришли несколько сот человек. Эва Выциховская, возглавившая Театр танца после Джевецкого и продолжающая дело учителя, сказала: “Память о нем не умрет. С ним было тяжело работать, но легко разговаривать. Последние его слова были о том, что духом он будет с нами”.

ВСЕ-ТАКИ ЗДЕСЬ УДАЕТСЯ СДЕЛАТЬ МНОГОЕ

— Вы основали и возглавляете Центр изучения античной традиции при Варшавском университете. Для чего он был создан?

— Для удовольствия. Речь шла о том, чтобы на практике проверить — а это был 1991 год, — что́ можно сделать, когда “уже можно”. Первым замыслом был исследовательский центр как место встреч людей, интересующихся развитием античного наследия в культуре. Своего рода интеллектуальный клуб, пространство для дискуссий, где будут обсуждаться вопросы, которыми сейчас ни филолог-классик, ни историк не занимаются. Это пространство должны были заполнить люди из всевозможных научных кругов, независимо от того, где они работают, — центр должен был выполнять роль катализатора.

Со временем выяснилось, что отклик необыкновенно сильный, и очень быстро образовалась научная группа, считающая ЦИАТ своим основным местом работы. Тогдашний ректор профессор Анджей Каэтан Врублевский верил, что университеты превратятся в открытые структуры, где студенты будут свободно выбирать предметы и направления. В нашем центре созрел зачаток этого, поэтому он предложил мне создать при ЦИАТе гуманитарную школу, где студенты будут свободны, то есть, имея широкие гуманитарные интересы, смогут преодолевать барьеры традиционной системы изучения одной научной дисциплины. Получение такой свободы в контакте с разными научными дисциплинами, при возможности выбирать себе опекуна, сотрудничающего со студентом на условиях партнерства, повышает умение приспосабливаться к изменчивым условиям на рынке труда, а это ведь самая злободневная проблема для молодых людей. Поэтому я согласился, предполагая, что могу посвятить этому два года жизни. В 1993 г. были созданы Межфакультетские индивидуальные гуманитарные курсы. Мы подписали соглашения с соответствующими факультетами, сначала с пятью, затем с десятью, в конце концов — со всеми факультетами гуманитарных и общественных наук Варшавского университета.

Мы считали, что двух лет хватит, после чего университеты изменятся и естественным образом поглотят наше начинание. Прошло 15 лет, и хотя МИГК снискали славу лучших

гуманитарных курсов в Польше, были введены в закон о высшем образовании как новая форма элитарного обучения, а восемь лучших университетов в Польше с нашей помощью скопировали этот замысел, они всё же остаются местами для избранных. Университеты застыли в старых структурах, а наши курсы действуют по принципу тропинки, проложенной через государственные вузы ради обучения самых способных. Значит, то, что должно было стать катализатором перемен, стало независимой идеей, которую нужно сохранять и обеспечивать ей условия существования.

Это привело к изменению роли ЦИАТа — из исследовательского центра он превратился в центр координирования и организации элитарных курсов. От замысла осталось то, что он по-прежнему преодолевает барьеры между факультетами на двух уровнях — научном и образовательном.

— Но этим вы не ограничились. Центр начал создавать новые структуры.

— В сотрудничестве с ЦИАТом была создана академия “Artes Liberales” (“Свободные искусства”), где студент перемещается не только между факультетами — теперь он может так же свободно перемещаться между вузами. Академия — своего рода клуб студентов и профессоров, которые хотят, чтобы университеты не только конкурировали, но и сотрудничали, предоставляя студентам возможность выбрать лучший семинар в своей области в другом учебном заведении.

Среда, возникшая при ЦИАТе и МИГК (межфакультетские курсы действуют в восьми ведущих университетах Польши), насчитывает уже несколько тысяч студентов и профессоров. Ее научная часть теперь широко открыта не только для вопросов античной культуры — сейчас под крылом центра функционирует несколько десятков мастерских, групп и лабораторий, занимающихся тематикой от театроведения до проблем самосознания обществ или периферийных групп, от изучения наследия древней культуры до изучения современной общественной проблематики, исключая бизнес и менеджмент (управление), то есть то, чему легко обучиться где-нибудь в другом месте и что не требует всестороннего образования.

— Можно сказать, что ЦИАТ — это школа интеллигенции?

— Действительно, некоторые говорят, что мы пытаемся воспроизводить интеллигенцию. Но мы скорее считаем это попыткой обучить людей, готовых играть ту роль в обществе,

которую когда-то играла интеллигенция. Мы не занимаемся рассуждениями о том, продукт ли истории эта группа. Роли, которые нужно исполнять, не исчезли, независимо от того, как мы назовем сам субъект — public intellectual, или образованный и хорошо воспитанный человек, или понимающий наблюдатель, — главное, что речь идет о людях, выполняющих в обществе функции, для которых узкоспециального образования недостаточно.

— Ортега-и-Гассет, видевший в бесформенном массовом обществе причину кризиса нашей цивилизации, одновременно утверждал, что существует смертельная опасность уничтожения гуманитарных наук варварством специализации.

— Такая угроза несомненно существует и принимает разные виды. Сегодня у нее лицо конформиста, идущего на любые компромиссы, чтобы получить как можно больше с того, что предлагает ему действительность, прямо здесь и сейчас. Даже о своем прошлом он думает неотчетливо, а в игру входит фактор, которого мы вовсе не предвидели, — невиданный прагматизм студентов, причем не в американском стиле. Речь идет о прагматизме, который становится причиной того, что студенты сами хотят профучилища. Они поставлены в обстоятельства серьезных трудностей при поисках работы и реагируют на это, как если бы были членами профсоюзов. Они думают, что групповой напор на усиление практической стороны обучения, так чтобы оно отвечало сиюминутным требованиям рынка, обеспечит им безопасность. Но в дальней перспективе это может обернуться катастрофой для самой молодежи. Пока что, однако, их участие в университетской автономии так часто и выглядит — так они выбирают своих представителей в вузовский сенат, в советы факультетов, в Парламент польских студентов. Бывает, что эти представители сами не верят в эффективность такой стратегии, но напор студенческих избирателей слишком велик. Они требуют: пусть университет, в конце концов, обеспечит нам рабочие места.

В Германии подобная ситуация привела к тому, что хотя учебное заведение не гарантирует работу, но разрешает студентам учиться даже по 12 лет. Что с точки зрения качества университета не имеет смысла (особенно снижает качество дидактики), но создает социальные преимущества: гасит агрессию и снижает безработицу. В Польше нет четких идей ни относительно противодействия разочарованности неуверенных в своем будущем студентов, ни тем более относительно того, как должно бы выглядеть элитарное образование, по качеству соответствующее лучшим в мире

центрам. Существует административно-организационное и психологическое согласие быть периферией.

Наш центр старается показать, как выглядит несогласие с таким положением дел, как можно сочетать интерес к проблемам массовой культуры с несогласием на маргинализацию высокой культуры.

— Свою деятельность вы прежде всего направляете на Восток. Почему? Ведь контакты с вузами западных стран были очень оживленными.

— Это правда, мы сосредоточились на сотрудничестве с Украиной, Белоруссией, Литвой и Россией. Там как раз специализация нанесла гуманитарным наукам наибольший урон. Когда-то это происходило из благородных побуждений: мой петербургский друг профессор Копосов, один из создателей Смольного колледжа, называл это явление “извращенная специализация”. Сейчас она соединилась со специализацией нового типа. И вот из ниши, в которой в советские времена скрывался гуманитарий, чтобы не подчиниться идеологизации, он вдруг выходит в мир, в котором господствует профессиональное обучение, чисто ремесленное. Парадоксальным образом, наступило продолжение.

Партнеры на Востоке дают нам ощущение, что мы хорошо друг друга понимаем и полезны друг другу. Мы сами получаем большую пользу от этих контактов, потому что их проблемы — наши проблемы, которые у нас только с виду кажутся пройденным этапом.

Разумеется, какую-то привлекательность, особенно для моего поколения, имеет и тот факт, что мы сталкиваемся с миром, который несколько десятков лет был для нас закрыт. Открывать двери в этот мир — с научной и интеллектуальной точки зрения интересный опыт. В среде образования их борьба за свой собственный облик и автономию, а также их образ мышления делают их для нас лучшим партнером, чем тот, которым могут быть западноевропейские научные круги. Там человек чувствует себя полезнее, традиции русской интеллигенции позволяют другой стороне лучше понять наши цели, чем это происходит в диалоге с немецким или английским профессором. Наши общие традиции позволяют нам понимать ценность действия, даже если велика вероятность, что у нас не все может получиться. Мерить силы намерениями там не считается сумасшествием. Тост “За успех нашего безнадёжного дела!” хорошо выражает наш общий исторический опыт.

— *И отсюда идея создания Международной гуманитарной школы Центральной и Восточной Европы?*

— Когда я сконцентрировался на научной части ЦИАТа, я представлял себе, что мы найдем хороших литовцев, украинцев, белорусов и русских, с которыми будем вместе обсуждать исследовательские проблемы, связанные с прошлым. Оказалось, что лучший способ выстраивать такое сотрудничество — совместно восполнять пробелы в нашем образовании. Отсюда возникла идея повышать квалификацию научных кадров. Люди так сильно стали к этому стремиться, что в результате возникла настоящая школа, однако не представляющая собой какое-то учреждение. Это программа, которая продолжается уже десять лет. Деньги мы собираем по всему миру, в том числе в Польше и частично на Востоке. Это носит характер бесплатного образования, к которому спонсоры подходят как филантропы. Школа служит повышению квалификации научных кадров и студентов; мы выдаем справки об окончании курса, но не пытаемся получить право устраивать защиты дипломов и диссертаций, потому что не хотим создавать еще один региональный европейский университет с посредственными достижениями. Читать лекции мы приглашаем самых выдающихся ученых из лучших вузов этой части Европы, ищем лучших и самых амбициозных слушателей, стараемся разрабатывать программы, которые пополнят их знания и опыт в тех областях, которые они сами выбирают. До сих пор мы провели 120 программ (продолжавшихся от недели до двух месяцев). За десять лет прошло около 12 тыс. часов семинаров и мастер-классов (то есть в год получается столько, сколько за весь курс нормального университетского образования). Сессии проходят в самых разных местах и в разное время года — не во время каникул, как в т.н. летних университетах. Сами места сессий интересны — например, Львов, Варшава, Гродно, Минск, Кедайнай, Краков, Вильнюс, Каунас, Киев, Рим, Ростов-на-Дону. До сих пор через программы МГШ прошло около трех тысяч молодых людей из Центральной и Восточной Европы.

— *Это в основном люди из гуманитарной среды?*

— Прежде всего аспиранты, а также дипломники, то есть потенциальные молодые научные кадры; кроме того, студенты нескольких МИГК, которые по примеру наших и с нашей помощью открыты во Львове, Киеве, Гродно, Минске и Ростове. Эти студенты имеют право принимать участие в школе для молодых ученых, так как мы надеемся, что они попробуют изменить свою студенческую среду изнутри. Мы выдали

полторы тысячи справок об окончании МГШ слушателям с Украины, 150 — из России, свыше пятисот — из Белоруссии и 45 — из Литвы; поляки составляют только одну пятую всех участников, тем не менее они получили больше 500 справок об окончании. Для них намеренно введены ограничения при поступлении в школу, чтобы дать как можно больше возможностей кандидатам из соседних стран. Было по несколько человек из Венгрии, Чехии, Словакии, Германии и Молдавии — исключительно люди, которые особенно интересуются этой частью Европы. Если представить нашу работу числом сотрудничающих с нами учебных заведений, то получится, например, 80 с Украины, из России на этих 150 человек разброс тоже довольно большой: мы регулярно сотрудничаем с учебными заведениями в Москве и Петербурге, прежде всего с Московским университетом и Академией наук, но добираемся и до отдаленных регионов, поддерживаем контакты с Бурятским, Томским, Сыктывкарским и Уральским университетами. Эта среда начинает жить собственной жизнью.

— А с факультетов точных и естественных наук с вами никто не ищет контактов? Если предприниматель выбирает между двумя инженерами, один из которых знает Данте, а другой — нет, то здравый рассудок, наверное, велит выбрать того, что всесторонне образован?

— Такой аргумент мы используем в Польше, объясняя, для чего возникли наши курсы и кому нужно гуманитарное образование. Но думают ли так предприниматели в Польше и во всей этой части Европы, я не знаю. Иногда так думают в больших банках и предпочитают принять человека, который читал Гомера, а курсы прошел за два месяца, вместо того, кто четыре года изучал бизнес и финансы, но больше ни на что в принципе не способен. В банках ценится общительность и воображение.

К нам приходят люди с математическим и физическим образованием, но по-настоящему откликаются круги гуманитариев и специалистов по общественным наукам.

— Просматривая созданные ЦИАТом программы, нетрудно заметить, что их контекст — всегда традиции.

— Это программы занятий наукой между прошлым и настоящим. Мы не занимаемся ничем, что относится к современности, если оно не укоренено в мысли о прошлом. Но в то же время мы стараемся показать, насколько это прошлое влияет на современность. Таким образом, речь идет о

взаимоотношении. Люди, обученные полностью в понятиях современности, у нас должны сидеть и задумываться над проблемами средневекового мира, потому что это единственная возможность. И наоборот, специалисты по средневековью должны задумываться о том, как в Кашубии выжило кашубское меньшинство. Потом, например, мы приглашаем крымских татар, которые вместе с кашубами обсуждают судьбы “малых народов”. А слушают это социологи, потому что такой опыт дает им интересный материал для их собственных исследований. Мы, однако, очень заботимся, чтобы наша деятельность не превращалась в публицистически-пропагандистские встречи. Как видно, МИГК — это некоторая умственная роскошь.

— *Вы призываете искать общие корни в античности, в то время как Евросоюз беспокоит проблема христианских ценностей — вписать ли их в преамбулу.*

— У Евросоюза действительно только с античностью и нет никаких проблем. Думаю, по той простой причине, что в Европе это уже никого не волнует. В этом нет ничего оптимистического, потому что это доказывает, что античность в понимании политиков — совершенно мертвый, освоенный слой. А мы хотим показать, что она и не мертва, и не так уж безопасна. Это часть наследия, которое проявляется в самые неожиданные моменты. Балканы, например, треснули по древним границам Западной Римской империи и Византии. С другой стороны, древний римский *limes*, отделяющий империю от *barbaricum*, во многих случаях проявляется в культурном подсознании европейцев. Мы верим, что знание этого помогает понять современные проблемы. Евросоюз настолько этим не интересуется, что для нас это пренебрежение становится шансом. В нашей части континента, в Центральной и Восточной Европе, стоит иметь долгую историческую память.

— *Эта часть континента в чем-то особенная?*

— Здесь возник этический вакуум, вызванный отсутствием постоянства, чувством лишения корней, связанным с передвижениями населения, передвижениями границ и ликвидацией (физической) самой активной части общества. Такой вакуум очень легко заполнить примитивными идеологиями и плохо переваренным национализмом. Этому нужно противостоять. Каким образом? Пытаясь создать центры, способные заполнить этот вакуум чем-то ценным. Человек естественным образом желает быть активным и полезным в своем сообществе. Тоска по этому велика, и ее

можно использовать, соответствующим образом направляя. В США эту потребность рассматривают как фундамент гражданского общества. Там, кроме замечательных университетов и прекрасных возможностей для самых способных, есть одновременно повсеместная открытая любознательность и желание вести диалог в рамках всего общества. Здесь по-другому. Нас учили не разговаривать — лучше молчать или произносить монологи. Попытка понять чужую особенность часто заменяется размышлениями над автобиографией, как индивидуальной, так и национальной.

— А на каких языках вы разговариваете в международной школе?

— На польском, украинском, белорусском и русском, а в качестве вспомогательного — на английском. Мы достигли того, что никто не выходит, когда кто-нибудь начинает говорить по-русски, и никто никого не отчитывает за то, что он говорит “на языке, которого не существует”, подразумевая украинский. Такое многоязычие дает человеку возможность сказать точно то, что он на самом деле думает.

— Уровень образования тех, кто участвует в сессиях МИГК, сильно различается?

— Качество этих людей поднимает дух. Их уровень можно спокойно сравнить с уровнем польских студентов МИГК. Я понимаю, что те, кто к нам приезжает с Востока, отобранны, но условия, в которых они получали такую квалификацию, несравненно труднее, чем в Польше.

— Вы популяризируете либеральное образование. Из чего оно должно состоять?

— Я предпочитаю использовать латинское определение *artes liberales*. Его сущность — не либеральное мировоззрение, а мысль о том, что и студент, и преподаватель — субъекты, а самое важное — их взаимоотношения. Даже программа в этом случае — второразрядный вопрос. Это означает, что одному и тому же можно обучать как на примере Шекспира, целый год работая над одной его пьесой, так и по расширенной программе истории литературы. Выбор зависит от того, что требуется преподавателю и студентам, чего им хочется. Речь идет о восстановлении соотношения наставник—ученик, отсюда опекуны. У нас есть сотни выдающихся польских ученых, которые готовы принять на себя эти обязанности даром, потому что они ищут настоящего студента. Второй вопрос — образование, которое приобретается опытным путем на

материале, очень далеком от собственной дисциплины. Цель — понять другую методологию.

Выдающийся ученый, работающий с начинающим студентом, сам для него становится текстом. Во времена, когда университет испытывает искушение сделаться супермаркетом, продающим образовательные услуги, очень важным становится создание таких научных кругов, в которых мы в меру наших сил пытаемся по-другому ответить на вопрос: зачем человек учится, и в чем заключается то, что принято называть миссией учителя.

— После этих нескольких лет сотрудничества с вузами Центральной и Восточной Европы у вас есть ощущение, что это принесло плоды?

— В свое время мы разослали бывшим участникам наших сессий анкеты, чтобы узнать об этом. Оказалось, да: они сейчас продолжают эту работу в своем окружении. В этой части Европы мы по-прежнему живем в атмосфере палеокапиталистических мечтаний, строя их в постсоциалистической действительности. Это достаточно тяжелая смесь, однако здесь на удивление много можно сделать. Как говорит старушка в притче, приведенной Юрием Лотманом: стоит попробовать поджечь море, потому что в конце концов оно с Божией помощью загорится.

Беседу вела Сильвия Фролов

Ежи Аксер — директор Центра изучения античной традиции (ЦИАТ), Межфакультетских индивидуальных гуманитарных курсов (МИГК) и Международной гуманитарной школы Центральной и Восточной Европы (МГШ) при Варшавском университете, основатель академии “Artes Liberales”.